

ДУ/РА

Автор:

Диана Килина

ДУ/РА

Диана Килина

#Сеть

Бросив вызов сильным мира сего, Тимур рискует всем: своей карьерой, спокойным существованием, любимой женщиной и даже жизнью, ведь те, у кого он встал на пути, не остановятся ни перед чем. Но чтобы победить в этом противостоянии, прежде всего ему надо победить себя, свои самые глубинные страхи, пройти чудовищное испытание перед открытыми воротами в преисподнюю...

Диана Килина

ДУ/РА

© Д. Килина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Тимур, 2009 год

Сумерки постепенно накрывали северную столицу. Где-то вдалеке выстлался тонкой пленкой туман – белёсый, холодный и зябкий даже на вид.

В машине тихо гудел климат-контроль и едва слышно звучали «Глюки» с их нетленкой «Звезды 3000». Я внимательно наблюдал за подъездом многоэтажки на улице Коллонтай, хотя с виду могло показаться, что я просто развалился на водительском сиденье и кого-то жду. В принципе, это недалеко от истины.

Ох, не нравится мне вся эта затея с поисками сестры Морозовой, точнее, мне не нравится то, что Игорь поручил поиски именно мне. Все его дифирамбы о доверии и моем чутье – чушь несусветная. Найду я ее, а дальше что? Да она же испугается, если я к ней ближе, чем на пять шагов, приближусь. Что уж говорить о новости, что сестра, которая исчезла почти десять лет назад, жива и здорова.

Прикусив спичку, я посмаковал солоноватый привкус серы на языке и устало потер подбородок, обросший трехдневной щетиной. На плечи грузом навалилась усталость. Мне бы поспать нормально хоть раз за последние годы, но... От этой мысли только усмехнулся – знаю же, что как только лягу в кровать, сон как рукой снимет. Повезет – пару часов подремлю, не больше.

Девчонка, которая, по последним данным, могла быть сестрой Ольги, появилась из-за угла. Она прятала лицо в воротник шерстяного пальто, на лоб надвинула бесформенную вязаную шапку грязно-коричневого цвета. Кончики светлых волос, которые выбились из-под этой шапки, трепал порывистый ветер. Она быстро двинулась вдоль дома к своему подъезду, а я заглянул в досье и освежил в памяти имя и фамилию: Романова Илона, вздохнул, поежился и открыл дверь авто, выползая на зимний питерский воздух.

Я вошел за ней в подъезд, остановив ладонью закрывающуюся дверь. В ожидании лифта она метнула на меня короткий взгляд. Я встал рядом и сжал в кармане флешку. Лицо мое было бесстрастно. Кабина остановилась, девушка впорхнула внутрь, я вошел следом. Бросив на меня еще один недоверчивый взгляд, она нажала кнопку седьмого этажа и отвернулась, делая вид, что меня тут нет.

– Илона Светлова? – спросил я, по-прежнему держа руки в карманах.

Она напряглась – это было видно невооруженным взглядом. Застыла на несколько секунд, а потом медленно повернулась ко мне, подняла глаза и неуверенно произнесла:

– Вы ошиблись.

Нажав на «Стоп», я шагнул к ней. Она вздрогнула и вжалась в стену кабины, отодвигаясь от меня как можно дальше. Испугалась, как я и предполагал. Я вынул руку из кармана и приподнял ее подбородок, изучая лицо.

На правой щеке была родинка. Такая же, как у Ольги. Вот только глаза ярко-голубого цвета, хотя должны быть иными, но Морозова могла ошибиться насчет этой детали.

– Возьми, – вытащив флешку, я вложил ее в холодную ладонь побледневшей девушки.

– Что это? – спросила она удивленно.

– Это от твоей сестры, – коротко пояснил я, отпуская ее и отступая на шаг.

Она словно окаменела и уронила:

– Моя сестра мертва.

– Илона, возьми, ты всё поймешь. У меня нет времени на разговоры. – Я снова запустил лифт, нажав на кнопку первого этажа.

Лифт остановился, дверь открылась, я слегка кивнул на прощание. Едва дверь подъезда хлопнула за моей спиной, я достал сотовый из внутреннего кармана пальто и позвонил Лазарю.

– Я нашел ее, – без приветствия сообщил я, направившись к машине.

– Это точно она? – Игорь говорил тихо, видимо, Оля была где-то поблизости.

– ДНК не делал, но они похожи. Очень. – Я сел за руль и окинул взглядом двор.

Неподалеку на стоянке стоял внедорожник, подозрительно похожий на мой. И подозрительно сильно тонированный. Настолько сильно, что я не смог увидеть водителя.

– Лазарев, ты что-нибудь слышал о людях Ратного? – произнес я в трубку, поворачивая ключ зажигания.

– Насколько мне известно, все разъехались кто куда. А что?

– Ничего. Я думаю, за девчонкой нужно присмотреть. На всякий случай.

– Нам не возвращаться? – Игорь сразу же напрягся.

– Лучше не рисковать. Я пробью через Стаса нужную информацию и понаблюдаю за этой Илоной.

– Хорошо. Дай знать, если что.

– До связи.

Сбросив вызов, я еще раз бросил взгляд на внедорожник, а потом перевел глаза на окна седьмого этажа.

Вот чувствовал же, что не стоило браться за это дело...

Наши дни

– Илона! – взревел я и выплюнул кофе обратно в чашку.

За дверью кабинета послышался торопливый стук каблучков, и на пороге появилось белокурое голубоглазое чудовище – моя секретарша просунула голову в приоткрытую дверь.

- Да, Тимур Маратович? – нежно проворковала она.

- Что с моим кофе? – Я готов был убить ее.

- Не понимаю, о чем вы... – пропел сладкий голосок.

Правда, сладким он был от яда, который, по всей видимости, вместо слюны выделяет эта дама.

- Он соленый, твою мать!

- О-о. – Ее губы, щедро намазанные розовой помадой, округлились. Она виновато захлопала ресницами. – Наверное, перепутала. Я сейчас всё исправлю.

Я закрыл глаза и мысленно сосчитал до десяти, потом открыл их и сказал с металлом в голосе:

- Сам сделаю. А то еще сахар с мышьяком перепутаешь.

Она попятилась и вылетела из кабинета. Шайтан, а не женщина. Когда-нибудь она меня погубит.

Я вышел из кабинета, прошел мимо нее и отправился в комнату отдыха. На мое счастье, в кофеварке осталось немного бодрящего напитка. Я опустошил чашку в два больших глотка. Дурацкая привычка пить, как ишак на водопое. Недовольно поморщившись, я заправил агрегат еще раз.

Если бы знал, что заниматься фирмой будет так трудно, я бы ни за что не подписался на это. Но Лазарев, мой друг и партнер, временно отчалил из страны и не оставил мне выбора. Все-таки мы открывали «Sagittarius» вместе и это было наше детище. Жаль отдавать его чужакам.

На сегодня у меня запланированы две встречи с клиентами. Я вспомнил об этом и нахмурился. Игорь больше подходил для переговоров, у него и внешность подходящая, а также внимательность и настойчивость на уровне. При виде меня люди обычно пугаются, а стоит мне открыть рот – некоторые вообще начинают дрожать. Я давно не расстраиваюсь по этому поводу, даже научился получать

какое-то садистское удовольствие, но иногда раздражает.

Налив себе еще одну чашку, взял ее и побрел в свой кабинет. Называть его своим тоже непривычно, но это что-то вроде тренинга. На определенное время всё в этом офисе принадлежит мне. И маленькая сучка-секретарша тоже.

– Только попробуй уволить Илонку, Агеев, – грозно произнес Игорь почти три месяца назад. – И я тебе кишки на шею намотаю. Она хорошая девчонка.

Знал бы он, что эта «хорошая девчонка» подсыпает соль в мой кофе, специально путает документы, чтобы я возился с ними в два раза дольше, и постоянно стучит своими каблуками по полу... Я думаю, что он пристрелил бы ее собственноручно.

Белобрысое создание, увидев меня с чашкой, проводило меня насмешливым взглядом. Я гневно зыркнул на нее, и она уткнулась в монитор, притворяясь, что работает. Вот дрянь! Я громко хлопнул дверью кабинета. Вампиресс! Все соки из меня высасывает, тянет жилы, словно клещами. Убрать бы ее отсюда, и была бы у меня спокойная жизнь. И зачем я Лазареву пообещал, что не буду ее трогать? Лучше бы уволил сразу. Пусть нервы другому мотает.

От мысли о «другом», пусть и мифическом, почему-то неприятно кольнуло в груди. Хотя чего скрывать, девчонка она видная. Красивая. Наверняка мужики перед ней штабелями укладываются, подарками заваливают, на юга возят. И зачем она продолжает работать тут? Не нуждается ведь, это видно, да и семья у нее не из бедных. Прилипла, как пиявка, и не избавиться теперь...

Печально вздохнув, я допил уже остывший кофе и принялся за работу.

Тимур, наши дни

К вечеру, когда офис опустел и моя секретарша покинула свое рабочее место, я вышел из здания на парковку. В воздухе летали крупные снежинки, а ведь календарь с утра говорил о середине октября. Не за горами Новый год, а я даже не решил, как его встречать. Можно было бы махнуть на пару дней в Казань к родителям, конечно, но тогда мне придется выслушивать лекции о том, что пора

остепениться, завести семью и наплодить выводок детишек.

С этими мыслями я сел в машину и завел мотор. Прогрев двигатель пару минут, я тронулся с места и выехал на дорогу. Через несколько сотен метров остановился, потому что путь перегородили. На дороге активно жестикулировал какой-то мужик, а рядом с ним стояла – как вы думаете кто? Да, Илона.

Вылезая из салона, я услышал громкие мужские вопли:

– На машину насосала, а ездить не научилась, что ли?..

Илона в ответ что-то пролепетала и чуть попятилась от наседавшего на нее мужика.

– Что здесь происходит?! – гаркнул я.

– Да вот, поставила машину, ни пройти, ни проехать! – стал возмущаться мужик.

– Что с машиной? – обратился я к Илоне.

– Сломалась, – жалобно захлопала она ресницами. – Эвакуатор через полчаса будет.

– Я не могу ждать полчаса! – заревел мужик.

Я повернулся к нему. Обычный хам, нервный и наглый. Придурок, причем хронический. На вид лет сорок, может чуть меньше. Щуплый, хотя тяжелая кожаная куртка с меховым воротником должна это скрывать, но опытный глаз не обманешь. Слабоват, не сможет дать сдачи. Если бы на месте Илоны был мужчина, вряд ли повел бы себя подобным образом. За его спиной стоял «Porsche Cayenne» черного цвета. Член, видно, маленький, бабы дают только из-за марки машины.

– Подождешь, – спокойно отрезал я.

– Что ты сказал? – удивленно моргнул слегка опешивший чудак на букву «м».

– Глухой, что ли? Я сказал «подождешь». – Я спокойно сунул руки в карманы пальто.

– Из-за какой-то б... опаздывать теперь... – ощерился этот козел, смерив Романову гневным взглядом.

Я посмотрел на Илону. Та сделала вид, что не слышала, но подбородок у нее задергался, а глаза стали влажными. Она нервно закусилла нижнюю губку и отвернулась.

– Извинись, – произнес я еще до того, как успел подумать.

– Что?

– Извинись.

Не то чтобы я был рыцарем и всё такое, но оскорблять женщину как-то нехорошо. Даже если эта женщина ненавистная мне Романова.

– Вот еще! – фыркнул мужик.

Я дернул его за ворот куртки, как нашкодившего щенка. Он начал отбрыкиваться, но я одним движением выкрутил ему руку и приземлил мордой на крышу Илонкиной машины.

– Ты совсем охренел?! – взвизгнул он.

– Извинись, – снова повторил я, зажав ему руку чуть сильнее, чтобы причинить боль.

Он дергался, вынуждая меня усилить захват. Когда плечевой сустав начал хрустеть, мужик, преодолевая боль, прошипел:

– Прости, прости, прости! Ай, отпусти, больно!

Я вопросительно посмотрел на Илонку. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но я перебил:

- Прощаешь?

Она быстро кивнула, а я переключил внимание на свою жертву:

- Дама тебя прощает, впредь следи за словами. Сейчас садись в машину и спокойно жди полчаса, пока она решит свою проблему. Потом быстро исчезаешь, и чтобы я тебя не видел. - Я дернул его за руку еще раз, услышал недовольное скуление и отпустил.

Мужик злобно сверкнул глазами, но все-таки послушался и скрылся в своем авто, потирая плечо. Я повернулся к Илоне.

- Всё в порядке?

Она прошептала:

- Спасибо.

- Да не за что. - Я пожал плечами и посмотрел на ее машину. У меня вырвался смешок, а потом я сдуру ляпнул: - Это ж как сосать надо на такое ведро...

Рядом со мной раздалось тихое бульканье - я замер, встретившись взглядом с ее голубыми глазами, из которых потоком хлынули слезы.

Я шагнул к ней, но Илона отшатнулась и вцепилась в ворот своего шерстяного пальто, словно прикрываясь.

- Прости, я не это имел в виду.

Не обращая внимания на то, что Илона пыталась отстраниться, я обхватил ее за плечи и притянул к себе. Она дрожала как осиновый лист, а я почувствовал себя конченным мудаком.

– Илона, прости, я не хотел тебя обидеть. – Я погладил ее по спине, стараясь не обращать внимания на всхлипывания.

А она миниатюрная. Даже хрупкая, я бы так сказал. Странно, почему я раньше этого не замечал? Я ладонью практически полностью накрыл ее плечо, а другой рукой смог бы обхватить ее целиком и прижать к себе.

– По-по-почему... вы... всегда... – всхлипывала она куда-то в район моей правой ключицы, – думаете, что раз красивая... то... сразу... б... – последнее слово она фактически простонала, противно протянув «я-я-я» в мой воротник.

– Илона, я не это имел в виду. А про этого козла забудь – неудачник он, и этим все сказано, – сказал я, вяло оправдываясь. – Не реви, Илона.

– Я же... я всё сама... И учеба, и работа... Я же ни перед кем ноги не раздвига-а-а-ла, – завывала она пуще прежнего. – У меня даже парня не было-о-о.

– Как не было? – удивился я и мягко отстранил ее от себя.

Она всхлипнула и вытерла красный нос ладошкой, а потом, чуть замявшись, ответила:

– Ну, вообще был один, на первом курсе. Так это давно было, уже почти шесть лет прошло.

Ну, ни хрена себе...

– И недолго, – добавила она.

– Ты даешь! – Я почему-то улыбнулся. – И с тех пор ни-ни? – Зачем я, вообще, об этом спрашиваю?

– Да когда мне?! – Она возмущенно вскинула руку, и та приземлилась на мое плечо. – Учеба, сессии, экзамены, потом диплом, работа.

Я хмыкнул:

– А как же здоровье?

– Какое здоровье? – Она несколько растерялась.

– Ну, женское, ваше. Врачи рекомендуют. – Я пожал плечами, стараясь не улыбаться.

– Тимур Маратович, а вот давайте не будем с вами обсуждать мое женское здоровье и... вообще, – тут же успокоившись, сказала она. – Спасибо за помощь. Дальше я сама.

Устало вздохнув и потеряв щеки, почти заочневшие на холодном ветру, я снова оглядел ее ведро с болтами, которое именуется машиной.

– В какой сервис повезешь?

– Не знаю. – Она пожала плечами и зябко спрятала руки в карманы.

– Давай в наш, там не облапошат. Я прослежу.

– Тимур Маратович, спасибо, правда, не надо.

– Цыц! Замерзла? – Я окинул ее взглядом с головы до ног и заметил, что ее нехило потряхивает.

– Есть немного. – Она поежилась.

– Садись в мою машину, погрейся. Я тебя домой отвезу.

– Тимур Маратович, не надо...

– Цыц, кому сказал! Иди садись. Вон... Эвакуатор едет. Сейчас скажу адрес сервиса, и поедem.

Она обернулась на приближающийся эвакуатор и снова посмотрела на меня.

– Тимур...

– Иди, Романова! – рявкнул я.

Илонка послушно обошла меня и поплелась к моей машине. Застыла на полпути, вернулась и забрала из своей развалюхи сумку и какую-то папку. Я щелкнул пультом сигнализации и проследил за ней, пока она усаживалась на пассажирское сиденье.

Разобравшись с эвакуаторщиком, я заплатил ему за вызов и объяснил, куда ехать. Как только он погрузил красный «Huindai» Романовой, сзади послышался визг шин, и мимо нас пролетел тот самый черный «Porsche Cayenne». Я ухмыльнулся, махнул рукой и сел за руль своей машины.

А мог бы уже дома быть...

Илона

Тимур вел машину молча, только косился в мою сторону.

«Смотри, чтоб глаза не повылезали, – мысленно прошипела я, отвернувшись к окну. – Ишь, рыцарь в доспехах. Заступник хренов. Как оскорблять, так в первом ряду, знаем – плавали. А тут героя из себя решил соорудить. Козел».

– Высадите меня здесь, Тимур Маратович, пешком дойду, – попросила я, когда он затормозил на светофоре.

Он разблокировал дверцы – что за дебильская привычка? – и я, вцепившись в свою сумочку и папку с документами, выскочила из машины. Слишком громко хлопнув дверцей – вышло случайно, – я перебежала дорогу и оказалась на тротуаре. Внедорожник Агеева скрылся из вида, неприлично громко газанув, а я побрела к дому.

Войдя в квартиру, сняла мокрое пальто и хмуро встряхнула его. Повесив пальто на плечики, я водрузила его на дверь комнаты – не дай бог не просохнет, придется в химчистку нести, а пальто одно-единственное для нынешней погоды.

На кухне зажгла конфорку, поставила на нее чайник и разложила документы на столе. Последний отчет от бухгалтерской фирмы чем-то мне не понравился. Чем, хоть убей, не могу понять, но перепроверить надо.

Противный свисток на носике чайника заголосил аккурат тогда, когда я полностью погрузилась в смету за прошлый месяц. Дернувшись на скрипучем стуле, я выключила плиту и взяла чашку с сушилки. Насыпав в нее заварку, залила это дело кипятком и поставила рядом с собой, отодвинув часть бумаг в сторону.

Не знаю, сколько я читала-перечитывала каждую строчку, сверяла данные, но к тому времени, когда вспомнила о чае, предатель уже остыл. Устало вздохнув, выпила едва теплый напиток и разобрала бумаги по стопкам. Глянула в окно, выходящее на проспект Большевиков. Небо было затянуто тяжелыми тучами. Не успела подумать о грядущем дожде, а именно он грозился пролиться на наши питерские головы, как в моем мобильнике заиграла мелодия входящего вызова скайпа.

Я посмотрела на экран и улыбнулась – звонила сестра.

– Привет, Оль, – сказала я и подошла к плите, чтобы потрогать чайник. Еще теплый.

– Приветик. Как дела? – начала она бодро.

– Нормально. Работаю. А у вас как? Как животик? – Я налила в чашку воду и пригубила чуть теплую жидкость, чтобы согреться.

– Растем. – Оля рассмеялась. – Лазарев пылинки с меня сдувает, словно я больная, а не беременная.

– Так это же хорошо. – Вернувшись за стол, я подобрала под себя ноги и снова уставилась на серую панораму города за окном.

– Раздражает немного. Какие у тебя планы на Новый год?

– Никаких, – вздохнула я.

- Нет желания приехать в декабре?

- Видела бы ты, что у нас на улицах сейчас творится, ты бы не спрашивала. Хочу. Только отпуск мне никто не даст.

- Так праздники же?

- Это у вас в декабре праздники, а у нас-то в январе. Я думаю, Агеев найдет мне работу. Чисто из вредности, - сказала я.

- Да ладно тебе, не такой уж он монстр, - успокоила Оля. В трубке послышалась какая-то возня. - Илонка, тут Игорь хочет с тобой поговорить, - успела сказать она перед тем, как из трубки раздался бас моего бывшего босса:

- Илона, что там у вас опять происходит? Тимур беснуется?

- Нет, Игорь Викторович, всё в порядке...

- Романова, я тебе сколько раз говорил? - наигранно пригрозил он. - Никаких выканий.

- Прости. - Я устало потерла переносицу и закрыла глаза, вяло улыбнувшись, но они-то этого не видят. - Всё хорошо у нас, просто мой новый начальник - редкая скотина. А так, всё о'кей.

Лазарев громко расхохотался, да так громко, что я поморщилась.

- Что же у вас за неприязнь такая, взаимная? Как бывшие любовники прямо.

- Чур тебя!

Снова смешок.

- Приедешь?

- Приеду, куда ж я денусь.

- Хорошо. Ну, возвращаю телефон Оле.

В трубке снова раздался голос сестры, которая радостно поведала мне о том, как она сходила на первое УЗИ. Я слушала вполуха – не потому, что я не рада племяннику или племяннице, а потому, что из головы никак не выходил сегодняшний день и поступок Агеева.

Ладно, признаюсь честно, при всех наших... кхм, недоразумениях, мужик он неплохой. И как ни ужасно признать, но это именно я постоянно провоцирую его на грубость. В конце концов, я сама соль ему в кофе насыпала сегодня. А зачем, спрашивается? Вот и я не знаю. Но его высокомерный приказной тон, с которым он по селекторной связи потребовал, именно потребовал, а не попросил, принести ему кофе, вывел меня из себя. Лазарев был золотым начальником: не приставал, не доставал и всегда добавлял к любой просьбе банальное «пожалуйста». Еще и Илонкой называл, ласково так. Приятно. А этот орангутанг? Из какого аула он вообще вылез, рожа татарская? Тут ему двадцать первый век и культурная столица России, а свои мужланские замашки пусть у себя на родине оставит.

- Илонка? – выдернул меня из раздумий голос Ольги. – Ты чего молчишь?

- А-а... Да я тут с отчетами сижу. Прости, работы много.

- Ладно, – сказала она, – не буду отвлекать. Заказать тебе билеты?

- Можно.

- Хорошо, закажем на двадцатое число. Скучаю по тебе, сестренка.

- Я тоже. – От теплоты в ее голосе стало как-то... – Целую.

- Обнимаю, – добавила она. – Скоро увидимся.

Я положила мобильный на подоконник и устало потерла усталые глаза. Часы на стене сообщили, что уже половина одиннадцатого, а значит, пора отчаливать в

кроватьку – завтра до офиса придется добираться своим ходом.

Решив, что душ приму с утра, я переоделась в пижаму и устроилась на диване, будь он неладен. Под аккомпанемент пружин я наконец-то приняла более-менее удобную позу и заснула.

Глава 2

Илона, 2009 год

Сжимая предмет из черного пластика, я в очередной раз вздохнула и закусила губу. Посмотрела на ноутбук и USB-разъем, в который я должна запихнуть эту штуку.

Давай же... Ты просто посмотришь, что там. Просто посмотришь. Ты не обязана верить тому, что увидишь. Это не может быть правдой. Оля... Олька, моя Олька... Она исчезла, и ее давно нет в живых. Глаза противно защипало, во рту появилась неприятная горечь. Если она и правда жива, то почему объявилась только сейчас? Почему не нашла меня раньше? Из памяти всплыли лица сотрудников милиции, когда я, совсем еще маленькая девочка, объясняла им, что мою сестру украли. Я просила ее найти и вернуть домой.

– У тебя нет сестры, – сказал один из них. – Не ищи ее. Забудь.

Каким жестоким надо быть, чтобы сказать такое ребенку? Что нужно иметь вместо сердца, чтобы вот так? Вакуум?

Скрипнув зубами, я вставила флешку в разъем и зажмурилась. На экране открылось новое окно с файлами, и по значкам я поняла, что это фотографии. Не думая, кликнула два раза по первой и подождала, когда изображение загрузится. Кадр был немного размытым. Толпа людей и среди них девушка с темными волосами. Я увеличила снимок и придвинулась к экрану, но из-за нечеткой резкости не смогла разглядеть ее лицо. Она смотрела в сторону. Машинально переключив на следующий снимок, я изучила женский профиль, но не узнала. На третьей фотографии незнакомка смотрела прямо в камеру.

Конечно, я узнаю ее даже через двадцать лет. Даже через сотню. Даже когда Земля сойдет со своей орбиты, Луна взорвется в небе – я узнаю ее. Из тысячи, из миллиона – узнаю.

С экрана ноутбука на меня смотрела моя точная копия.

– Оля, – прошептала, не веря своим глазам.

Я просмотрела эти снимки несколько раз. Жмурилась, закрывала глаза и снова открывала их, трясла головой, не веря, что моя сестра, мой единственный родной человек на всей планете... Что она жива.

Всего три снимка, со светло-оранжевой датой в углу.

Всего три снимка...

Мне показалось, что я снова начала дышать полной грудью, впервые за последние десять лет.

Наши дни

Не открывая глаз, я хлопнула по орущему будильнику и уткнулась в подушку. Тут же раздался звонок в дверь – утиное «кря-кря», которое ради шутки поставила около полугода назад да так и не сменила.

– Кого принесла нелегкая, – пробормотала я себе под нос, сползая с дивана. – В такую-то рань...

Не глядя в глазок, открыла дверь и тут же попыталась захлопнуть ее обратно. С площадки раздалось покашливание, и я отпустила ручку двери.

– Тимур? – Голос мой спросонья был хриплым.

Его глаза задержались на уровне моей груди. Я прикрылась руками – сплю-то я в одной майке и шортах.

– Подумал, что тебя было бы неплохо довести до работы. На улице льет как из ведра. – Агеев самым наглым образом вошел в квартиру, заставляя меня пятиться.

– Какая забота. Ну, проходите на кухню, раз припёр... Пришли, – быстро поправилась я.

Тимур смерил меня привычным суровым взглядом и, скинув мокрую обувь, пошел в заданном направлении. Я посмотрела ему в спину и возмущенно вздохнула, когда он по-хозяйски набрал воду в чайник и поставил его на плиту. Чиркнув спичкой, он поджег конфорку и взглянул на меня.

– Чувствуйте себя как дома, – не удержалась я от колкости и удалилась в комнату.

– Можно и на «ты», не в офисе пока! – крикнул он в ответ.

– Ты мне еще покомандуй в моей квартире, – пробормотала я, открывая шкаф.

Сняв с вешалки первый попавшийся костюм-двойку и прихватив чулки, я направилась в ванную, закрыла дверь, покосившись на хлипкую ручку без защелки. Нет, я не думаю, что мой шеф может заглянуть сюда, пока я буду в душе, но как-то не по себе. Думаю, вы понимаете. Так что вместо утренней водной процедуры я ограничилась умыванием, наспех причесалась и нанесла легкий макияж. Глянув на стираное белье, висящее на полотенцесушителе, я с досадой охнула и тут же нахмурилась – а для кого, собственно, мне подбирать одинаковые кружева да шелка?

Тимур, похоже, чувствовал себя превосходно. Ничем другим не могу объяснить его действия. Он успешно пошарил по шкафчикам и нашел кофе. Когда я вышла на кухню, по квартире как раз начал распространяться аппетитный аромат бодрящего утреннего напитка.

– Я с молоком пью, – буркнула я, открывая холодильник.

Агеев только тихо хмыкнул и вскинул бровь, пересеченную шрамом.

– А ты быстро. В армии служила?

– Очень смешно, юморист. – Я плеснула в свою кружку молока. – На двери ванной комнаты защелки нет, вдруг ты извращенец?

Тимур кашлянул и отвернулся. Один – один.

Сделав глоток, я посмотрела в окно. Погода, действительно, была преотвратительнейшая – лило так, что толком и не разглядеть улицу. Представила, как бежала бы на шпильках по лужам до остановки, и мое сердце немного оттаяло. Совсем чуть-чуть. Все-таки добираться до работы на внедорожнике Агеева будет удобнее, спору нет.

– Что-то не так с отчетом? – спросил он, пошуршав бумагами.

– Не знаю.

– Зачем домой взяла?

– Интуиция. Решила перепроверить. – Я пожала плечами и услышала короткий смешок.

– Вот не была бы ты такой стервой, цены бы тебе не было, – с сарказмом произнес Тимур, вынуждая меня вступить в прения.

– Я не стерва.

Агеев в ответ на это только усмехнулся.

Попивая кофе в сакральной тишине, я немного расслабилась. Только бросала на Агеева взгляды исподлобья, украдкой, чтобы не заметил. Меня до сих пор съедает любопытство: откуда на его лице появился шрам? То ли рваная рана, то ли порез прямо над глазом. Из-за него лицо моего начальника выглядит зловещим, злобным, даже жестоким. В довесок к этому украшению Тимур никогда не улыбается. Лишь усмехается уголком губ, что тоже не придает ему привлекательности.

Я как-то попыталась вывести Игоря на откровенность, но тот только молча пожал плечами. Ольга тоже развела руками – Агеев и с ней не делился, а уж та могла вытянуть информацию из кого угодно. Сама я спросить со стопроцентной точностью не рискну. Если бы видели его рожу, вы бы меня поняли. Конечно, есть поговорка, что мужчина должен быть чуть-чуть симпатичнее обезьяны, но не до такой же степени? Хотя, спорить не буду, костюмы ему идут. Впрочем, костюмы идут всем без исключения хорошо сложенным мужчинам. У Тимура с этим проблем нет – в плечах метр, не меньше. Пузо из рубашки не вываливается, а небрежно расстёгнутые верхние пуговицы открывают мощную шею. И военная выправка... Такое чувство, что он вообще никогда не бывает расслабленным.

Тихое покашливание прервало мои размышления о внешности начальника. Я подняла глаза и столкнулась с внимательным темным, почти черным взглядом. Тимур слегка прищурился, от чего я моментально передернулась.

– Поехали, – резко бросил он и встал со стула.

Пожав плечами, я допила свой кофе и поставила чашку на стол. Пройдя мимо Агеева, я намеренно задела его плечом, но тот даже не шелохнулся. Взяв пальто, сама накинула его на плечи и лишний раз отметила отвратительные манеры шефа.

– Жду в машине, – то ли оповестил, то ли приказал Тимур и быстро сбежал вниз по ступенькам.

Слушая стихающие на нижних этажах шаги, я расслабленно выдохнула и закрыла квартиру. Понюхала ворот пальто и порадовалась тому, что оно просохло-таки за ночь и сдавать его в химчистку не придется.

Внизу у подъезда уже мигал фарами черный «гелик». Пришлось собраться с силами, перед тем как выйти из-под козырька – в такую погоду хочется сидеть дома на подоконнике с кружкой чая и разглядывать дорожки, которые оставляют на стекле дождевые капли. Добежав до машины, я вполне закономерно вступила в лужу и почувствовала, как вода просочилась между подошвой туфель. Ну, просто шикарное начало дня.

– Ты позавтракать не хочешь? – вдруг спросил Агеев, когда мы выехали на Дальневосточный проспект и вдоль дороги замелькали первые магазины,

рестораны и забегаловки фастфуда.

- Дотерплю до обеда. - Я покосилась на него и заметила ухмылку.

Тимур сделал музыку погромче и откинулся на спинку сиденья. Он быстро вклинился в поток машин, и остаток пути мы провели в молчании, изредка обмениваясь мимолетными взглядами.

В офисе было непривычно тихо, только кофеварка в комнате отдыха кряхтела - наверняка Стас решил заправиться первой дозой кофеина. Едва я заступила на пост и нажала острым мысом туфли кнопку включения компьютера, лифт начал движение вверх и вниз, приветливо звоня колокольчиком, когда двери открывались на этаже. Агеев сразу же скрылся в своем кабинете и только через два часа потребовал свою чашку кофе. Без «пожалуйста», естественно. Я не стала подсыпать ему соль, а просто молча поставила кофе на стол и удалилась.

Часы тикали, телефон непривычно молчал - лишь несколько звонков для предварительной встречи. Когда подошло время обеда, я со спокойной душой закрыла «Косынку» и перевела компьютер в спящий режим. Парни уже сбились в стайку, когда я процокала каблучками к лифту.

- Илоночка, свет моих очей, - заметил Денис, наш фотохудожник. - Выглядишь отпад.

- Ты говоришь это каждый день, - отшутилась я и забила в дальний угол кабины, когда меня, привычно расступившись, пропустили вперед все лица мужского пола.

По факту, в нашей фирме других лиц и нет. Я единственная девушка в агентстве. И естественно, постоянно нарываюсь на комплименты. Восьмого марта мое рабочее место ломится от количества букетов, к тому же я тащу домой несколько коробок конфет. И вообще я всячески привлекаю к себе внимание, ничего особенного для этого не делая:

- Илонка, скажи, когда ты выйдешь за меня замуж?

- Илоночка, улыбнись, пожалуйста, еще раз.

– Илона, твой кофе – самый вкусный на свете.

И тэдэ. И тэпэ...

Нет, ребята на самом деле хорошие. Не наглые, вежливые. Всегда стул в кафетерии на первом этаже пододвинут и пропустят вперед в тот же лифт. Пару раз даже помогли с аккумулятором на парковке – я в автомобилях ну типичная блондинка и даже не знаю, как и куда крокодилов этих надо прикреплять. В отличие от нашего босса. Тот о хороших сотрудниках слухом не слыхивал.

Лифт остановился, и все отправились в столовую.

– А вы что, с Агеевым сегодня вместе приехали?! – громко спросил Денис, и за нашим столом воцарилась тишина.

Я пожала плечами и состроила безразличную мину.

– У меня машина в ремонте. Тимур Маратович просто подвез. – Я подчеркнула слово «просто», но не упустила сдавленные смешки.

– Значит, вы не вместе? – Денис продолжил допытываться с нескрываемым любопытством, водя кончиком вилки по тарелке, а затем отправляя приличную порцию жареной картошки в рот.

– Ты его видел? – спросила я.

Дэн широко улыбнулся.

– Красавица и чудовище, – сказал он с набитым ртом. – Между прочим, классика.

– Ни за что в жизни. – Я тяжело вздохнула, представив этих «красавицу и чудовище» в реальной жизни.

За моей спиной раздалось покашливание.

– Можно? – спросил Агеев, присаживаясь на свободный стул. Рядом со мной. Я не рискнула посмотреть в его сторону, но щеки у меня предательски зарделись.

– Приятного аппетита, – вежливо произнес шеф.

Все, и я в том числе, сделали вид, что у нас в тарелках лежит что-то невиданное и жутко интересное. За что люблю эту столовую, так за незамысловатые блюда. Однажды побывав с родителями во французском ресторане, зареклась на всю оставшуюся жизнь. Больше ни ногой в фешенебельные заведения. Меню не понятно, что из чего приготовлено и как это есть, сообразить невозможно. Это я про улиток. Мерзость.

Другое дело наша родная русская кухня. Вареники, картошечка, селедочка с лучком... Едва взглянула на свою котлету по-киевски, в животе противно заурчало, и я начала орудовать вилкой. Правда, прожевать мне котлету удалось с трудом, как и проглотить, потому что Агеев пялился на меня все время обеда, до тех пор, пока парни потихоньку не разошлись покурить.

Вот так было всегда, с тех пор, как Оля с Игорем уехали и Лазарев передал бразды правления Тимуру. Нет, он неплохой начальник, в плане ведения дел – ответственный и дисциплинированный. Но слишком строгий. Из всего штата с ним общается только Стасик. Ну и я по долгу службы.

Иногда мне кажется, что Агеева просто боятся. Ему бы какой-нибудь корпоративчик организовать, выпить с коллективом, в баньку сходить расслабиться. Мужики это любят, частенько слышу, как они обсуждают свои походы по клубам и боулингам. Но нет, вместо этого он спускает с них три шкуры, пока они работают, и не поощряет деньгами, когда те успешно завершают дела.

– Я позвонил в сервис. – Голос Тимура буквально ворвался в мои мысли, и я вздрогнула. – Твоя машина будет готова завтра вечером.

– Угу, – поблагодарила я, поднимаясь со стула. – Сколько?

– Проведем, как служебные расходы. – Он тоже встал и, обогнав меня, направился к лифту.

Я побежала за ним и чуть не влетела в его спину, когда Агеев резко остановился.

– Тимур Маратович, не надо как служебные. Я заплачу.

Он вошел в раскрывающиеся двери лифта, естественно, не пропустив меня вперед.

– Богатенькая, что ли?

Издавка в его голосе моментально напомнила мне про соль, которую он, судя по всему, давненько не отведал в бодрящем черном кофе.

– Я заплачу, – настойчиво повторила я и отвернулась.

Снова это дурацкое хмыканье, которое раздражает донельзя. Тихий гул поднимающейся кабины, ровное дыхание Агеева и скрип моих зубов, когда я сжала их от злости.

Тимур

Тихий писк телефона вывел меня из раздумий, и я не глядя снял трубку:

– Слушаю.

– Тимур Маратович, на связи Андрей Стариков, – пропела Илона фальшиво-вежливым тоном.

Я сразу же вспомнил подслушанный разговор в столовой, и градус моей раздражительности подскочил на новый уровень. Ишь какая. «Ни за что в жизни». Тоже мне, красавица нашлась. Да будь она последней женщиной на планете, я бы на нее и не посмотрел. И плевать, что человечество бы вымерло. Ни за что. Да у меня на нее даже не встанет.

– Тимур Маратович?

- Соединяй. - Я откинулся на спинку кресла и поморщился от щелчка в трубке.

- Агеев, вы там совсем в своем агентстве охренели?! - рявкнул без приветствий мой бывший коллега. - Вы почему мне Астахова сдали с переломом руки?

- Ты у него спроси, Стариков.

- Он, падла, молчит. А мне что в отчете прикажешь писать? С меня же спросят: как нашел, кто нашел, как доставили в участок и почему с травмами при задержании?

- Андрюха, ну напишите, что неудачно упал при попытке побега. - Я устало прикрыл глаза. - Пусть спасибо скажут, что не пристрелили. Между прочим, один из моих ребят до сих пор в больнице.

В трубке слышался глубокий вздох, а потом Стариков немного понизил тон:

- Как он?

- Жить будет, - отрезал я. - Пуля навывлет прошла, но задела там что-то. И кровящи в служебной машине было море.

- Он хоть в сознании?

- Да куда он денется...

- Ладно, что-нибудь придумаю. - На другом конце провода слышалась возня и шорох бумаг. - Ты сам-то как? Не думаешь вернуться в отдел?

- Нет, однозначно нет. - Я нахмурился, припоминая работу в убойном отделе, и для верности отрицательно покачал головой, хотя Андрей этого не мог видеть.

- Ну, дело твое, хотя тебя ждут сам знаешь кто, - понизив голос, многозначительно сказал он, и я живо представил, как он возвел глаза к потолку.

Да, есть имена и фамилии, которые все не упоминают, дабы не накликать чего-нибудь.

– Ты зайди в отделение с бумагами, чтобы мы оформили.

– Зайду. Могу сегодня после четырех заскочить.

– Отлично, я маякну дежурному, чтобы он тебя пропустил.

– Договорились. – Я положил трубку на рычаг, снова снял ее и помедитировал на кнопках. – Илона, принеси мне кофе и подготовь бумаги по делу Астахова. В четыре я отъеду.

– Хорошо, Тимур Маратович.

Сама вежливость, блин.

Я проверил почту и сделал несколько заметок в блокноте. Обычно все клиенты проходят через Илону, но иногда я разбираю предварительные дела сам. По мелочи, то там, то сям. Официально через фирму ведутся только большие заказы, прибыльные. Но бывает, что кто-то ищет пропавшего дальнего родственника или первую любовь. Короче, иногда я добрый и исполняю роль ведущего из передачи «Жди меня».

И да, я верю в карму. Хотя, признаюсь вам честно... Когда Ольга с Игорем вернулись в Питер и я привез Илону на встречу с сестрой... В этом было что-то такое мощное и необъяснимое, что описать словами просто невозможно. Тогда мы с Лазарем даже не решились подойти к ним, потому что они так сильно вцепились друг в друга... Просто не отпускали. С полчаса точно. Вытирали слезы, что-то неразборчиво бормотали. У меня глаза тоже были непривычно влажными. Они держались за руки еще два часа, молча смотрели друг на друга, словно им и не нужны были слова.

Я не верил в затею с поисками Илоны. Думал, что за десять лет она бы давным-давно нашла сестру. Думал, что она опустила руки или попросту выбросила из головы тот факт, что у нее была Ольга. Но нет. Она не забыла. Она помнила. И кто я такой, чтобы судить ее?

Тихий стук в дверь. На пороге появляется Илона с подносом. Ставит чашку на мой стол и протягивает мне папку с отчетом, натянуто улыбаясь.

- Спасибо, - благодарю я.

Романова удивленно уставилась на меня и даже отступила на шаг. Я нахмурился и кивнул на дверь:

- Можешь идти.

Она удалилась с выражением растерянности на лице и, впервые за год, тихо прикрыла за собой дверь, а не хлопнула ею так, что с потолка штукатурка сыпалась. Сделав несколько звонков, я выключил компьютер и взял папку с документами. Проходя мимо окна, взглянул на Невский и вышел из кабинета. Подойдя к столу Романовой, попросил:

- Дай ручку и бумагу.

Она послушно протянула мне и то и другое. Я черкнул адрес сервиса и стоимость ремонта ее машины, протянул квадратный листочек для заметок ей, кивнул и пошел к лифту.

До отделения добирался почти полтора часа - спасибо пробкам. И всё это благодаря идиотам-градостроителям и дебилам-водителям, которым лучше бы на метро ездить. Дежурный на входе целых семь минут не мог понять, кто я и по чью душу пришел. Когда я все-таки проник в нужный кабинет бывшего коллеги, тут же выпалил:

- Стариков, меняйте штат! У вас в дежурке одни идиоты сидят!

- Но-но, Агеев. Ты полегче, нормальные у нас ребята. Зеленые просто. - Стариков рассмеялся, встал с кресла и протянул мне руку.

Я пожал ему руку, плюхнулся в соседнее кресло и уставился на кофеварку, которая стояла на тумбочке у дальней стены. Стариков уловил мою мысль и направился к агрегату. Через две минуты кофеварка тихонько зашипела и начала по капле выдавать черный кофе.

– Вот видишь... – Я невольно усмехнулся, глядя на его действия. – Поэтому я не хочу возвращаться.

Андрей снова захохотал и сквозь смех изрек:

– Да, кофе Илоночки – это что-то. Я тебя понимаю.

Вот почему ее все называют уменьшительно-ласкательно? Один я, что ли, вижу монстра за милостивой личиной?

Изучив отчет и сверив цифры, мы с Андрюхой выпили по кружке бодрящего кофе, а затем я отправился восвояси. Стариков никогда не заострял внимание на том, что я не мог находиться в отделении больше пятнадцати-двадцати минут и всегда быстро ретировался.

Не люблю эти голубые стены, этот большой Т-образный стол, покрытый темным лаком, словно из прошлого века (впрочем, так оно и есть), портрет того самого, который тяжело глядит на тебя со стены. Мне даже кажется, что он следит за мной, когда я перемещаюсь по помещению.

Жуть, в общем.

Я с содроганием вспоминаю работу в убойном. Постоянное ощущение беспомощности, ощущение, что у тебя связаны руки. Желание изменить ситуацию, исправить ее и помочь людям, но этот порыв смешивается с дерьмом, едва ты сталкиваешься с реальностью. Даже в Чечне было легче. Война была простой и понятной – бей или умри. Взрывай, ломай, разрушай или разрушат и уничтожат тебя. Война была на уровне инстинкта – выживает сильнейший. Просто, как десять копеек.

Но на гражданке... Я наблюдал такие ужасы там, в сорокаградусной жаре. Я видел, как разрывает людей на куски в буквальном смысле, я видел выпотрошенные кишки, изнасилованных женщин и детей, но всё это померкло, когда я пришел на службу в милицию. Я думал, что война превращает людей в зверей. Но я ошибался. Власть и деньги делает людей дикими и беспощадными. Беснаказанность пробуждает в них самые низменные и жестокие чувства. Равнодушие убивает зачатки человечности и стирает в пыль то, что делает нас людьми. Именно поэтому я ушел. Мне хватило с лихвой того, что я видел в

горячих точках. Видеть то же самое ежедневно в цивилизованном городе я не смог. Мне просто хотелось заложить взрывчатку и разнести всё к чертям собачьим.

Потому что только так я мог бы сделать наш мир чуточку лучше.

Глава 3

Илона, 2009 год

– Илона, ты можешь дать мне конспекты по бухучету? Пропустил лекцию в понедельник, – натянуто улыбнулся Кирилл, мой одногруппник.

– Да, конечно. – Я открыла сумку и принялась перебирать тетради. Отыскав нужную, протянула ее. – Только верни в пятницу, у нас экзамен. Я, в принципе, запомнила, но всё равно.

– О'кей. Тебя проводить до остановки?

Мы уже вышли из здания и спускались по бетонным ступенькам. Я отрицательно покачала головой и махнула рукой:

– Не надо, спасибо.

Кирилл пожал плечами, а я побрела по Московскому проспекту, распутывая провод наушников. Когда мне это удалось, вставила штекер в разъем и включила музыку.

Блики солнца, отражающиеся в окнах домов, заставляли довольно жмуриться и улыбаться встречным прохожим. Решив заправиться кофе, я забежала в ближайшее заведение. Пришлось снять перчатку, чтобы стаканчик не выскользнул из рук – пальцы приятно зажгло от тонких картонных стенок. Сделав первый глоток и довольно вздохнув, я пошла дальше, чтобы немного прогуляться и сесть в автобус через остановку.

Я не услышала, как меня окликнули из проезжающей мимо машины, и, естественно, испуганно подпрыгнула, когда передо мной прямо на тротуар въехал черный внедорожник. Попятившись, толкнула кого-то плечом и тут же быстро извинилась. Дверца машины открылась, и из нее вышел незнакомец, который дал мне флешку с фотографиями Ольги. Я решила проигнорировать его, обойдя машину, но он не дал мне этого сделать. Он дернул за тонкий белый проводок плеера, запутавшийся у меня в волосах, и сказал:

- Надо поговорить. - Он оглянулся по сторонам.

Прохожие недовольно оценивали некультурное поведение водителя на иномарке, но разумно проходили мимо, учитывая внешний вид моего собеседника. В принципе, я их понимаю - бритая голова, шрам, пересекающий бровь, сурово сдвинутые брови. Бандит, не иначе.

Я кивнула и глотнула кофе - для успокоения. Потом постаралась изобразить спокойствие и ровным тоном произнесла:

- Пошли.

Незнакомец усмехнулся. От его усмешки меня передернуло, и я добавила:

- Я не сяду к вам в машину.

- Разговор конфиденциальный.

- Я не сяду, - отрезала я и быстрым шагом направилась к остановке, где столпились люди.

- Илона! - крикнул незнакомец, но я проигнорировала его, хотя ноги у меня дрожали от страха.

- Илона, подожди! - Сильная рука остановила меня.

Стаканчик выскользнул из руки, и я, вполне предсказуемо, облила бритоголового своим кофе.

- За... - выдохнул он, посмотрев на пятно, растекающееся на рубашке.

- Извините, - пролепетала я, не понимая, за что я вообще-то извиняюсь?
Интуиция подсказала, наверное, что так будет лучше.

- Илона... - Он на секунду прикрыл глаза, явно справляясь с раздражением. -
Слушай, я просто подвезу тебя до дома, по дороге мы поговорим. Здесь много
лишних ушей, - шепотом добавил он, оглянувшись.

Я посмотрела на него, затем на машину, затем на прохожих, снующих туда-сюда.
На маньяка не похож, да и прохожих вокруг много. Хотя в наше время
свидетели, скорее всего, дадут одинаковые показания: «Ничего не видел, ничего
не слышал». И всё же было в незнакомце что-то такое, что заставило меня молча
кивнуть.

- Садись. - Незнакомец обошел авто и сел за руль, а я задохнулась от
возмущения - вот это манеры!

Точнее, полное их отсутствие.

- Вы не представились, - сухо сказала, устроившись на сиденье и пристегнув
ремень безопасности.

- Тимур.

- Очень приятно, Тимур.

Он поморщился, словно я сказала что-то не то. Завел двигатель и быстро
вклинился в поток машин, не обращая внимания на сигналы. Он, естественно,
даже бровью не повел.

- Ты посмотрела флешку? - начал он без прелюдий.

- Да.

- И что?

– Это ничего не доказывает, – фыркнула я. – Может быть, вы вообще в сговоре с теми... – Я запнулась на секунду. – С теми, кто украл Олю.

Тимур нахмурился.

– Я не работал с Ратным. Но за тобой, похоже, – он быстро посмотрел в зеркало заднего вида, – следят.

Я тоже обернулась, но не увидела никого, кроме обычных прохожих и проезжающих мимо машин.

– Возле твоего дома постоянно дежурит тонированный внедорожник. И возле института тоже, но не каждый день. Сегодня не было, поэтому я перехватил тебя.

– Я ничего такого не замечала, – возразила я. – Всё, как обычно.

– Странные звонки, знакомства?

– Нет, ничего. Со мной никто не знакомился.

Он бросил на меня явно оценивающий взгляд.

– Удивительно. Будь начеку. Я не смогу организовать тебе с сестрой встречу, если есть малейшая угроза.

– Можно вопросик? – Я подняла указательный палец, привлекая внимание. – А зачем вы это делаете?

– Просьба близкого друга.

– Друга?

– Да.

– Но почему я должна вам верить?

– Не должна, – вот так просто ответил он, пожав плечами. – В принципе, если скажешь, что тебе плевать на сестру, я так ей и передам.

Задохнувшись от возмущения, я зашипела:

– Да как вы смеете... Ты... Вы... Вы не знаете ничего!

– Я знаю достаточно, – одернул меня он. – Ты ее не искала, Илона. И мне на это дело плевать, честно. Меня попросили тебя найти – я нашел. Хочешь увидеть Ольгу – я организую встречу. Но, судя по всему, ты давно от нее отказалась.

– Закрой рот! – рявкнула я. – И останови машину!

Резко дав по тормозам, он повернулся ко мне. Ухмыльнулся, когда я дернула ручку дверцы, и нажал на кнопку блокировки.

– И что дальше делать будешь? Сделаешь вид, что ничего не знаешь? Как и тогда?

– Да пошел ты, урод! – прорычала я. – Я хочу увидеть свою сестру больше всего на свете. Но если для этого мне придется связаться с таким, как ты, лучше сдохну. Она жива – и это главное. – Выскочив из машины, я показала ему средний палец и пнула переднее колесо.

Его лицо было по-прежнему безмятежно, он просто отвернулся и дал по газам, окатив меня слякотью с обочины. Придурок.

Я поправила шапку и ступила на тротуар. Запахнула пальто, уткнулась в воротник носом и побрела на остановку, глотая слезы. Да кто он такой, чтобы меня судить? Что он знает обо мне или о том, как я жила? Если бы не родители, которые удочерили меня спустя год после пожара и пропажи Ольги, то я бы загнулась в детском доме. Я бы просто не выжила. Меня всегда поддерживала сестра, она была мне опорой, и вот ее не стало. И я пыталась ее искать, когда выросла, но всё, что я узнала, так это что она погибла в 2007 году от передозировки. В июне, двадцатого числа, я точно помню дату.

Стоп. Это было в 2007 году. А фотографии были датированы нынешним, 2009 годом.

Я застыла прямо посреди тротуара, тщательно обдумывая сложившуюся ситуацию. Есть ли вероятность, что дату на снимках изменили? Может быть, дать их кому-нибудь с инфотехнологического на проверку? Но, если Тимур не врет и за мной следят, это может быть опасно. Нет, никому нельзя показывать эти снимки. Но и поверить вот так просто на слово какому-то мутному типу я тоже не могу. Что же мне делать?

Наши дни

Я протянула банковскую карточку работнику автосервиса. Набрала пин-код и помедлила, перед тем как нажать зеленую кнопку. Твою-то мать... До зарплаты неделя. Грёбаная неделя, а у меня на счету... Сто двадцать три рубля и сорок копеек. Я мысленно выругала себя за то, что отказалась от предложения Агеева провести ремонт машины как служебные расходы. Господи, ну что я за дура? Как я буду жить эту неделю? Что буду есть? У меня даже денег на бензин не осталось, а бак полон только наполовину. Зашибись, Романова. В рейтинге идиоток ты обскакала всю планету.

Я натянуто улыбнулась работнику и села в машину. Еще и помыли, химчистку салона сделали. В моем мозгу сразу возникла цифра, на которую счет мог бы быть меньше, и я застонала, ударившись головой о руль.

Добравшись до дома, я первым делом отправилась на кухню и сканирующим взглядом оглядела запасы продовольствия в холодильнике. Молока почти нет, и то оно скоро скиснет, значит, кофе пить я буду на работе. Из круп в коробках была только гречка, и я поморщилась, вспомнив старый бородатый анекдот про собаку, которая на седьмой день сухпайка искренне радовалась:

«О, гречка!»

Тяжело вздохнув, я заварила чай и снова принялась перебирать отчеты. Провозившись до глубокой ночи и так и не разобравшись, что же мне в них не нравится, я устало рухнула на скрипучий диван и заснула, едва моя голова коснулась подушки.

Тимур

Припарковав машину и выйдя на улицу, я осмотрел парковку и нахмурился. Странно, но нигде нет «ведра» Илоны, а она ведь никогда не опаздывает. Я пожал плечами и побрел к зданию. Поднимаясь на лифте, по привычке покрутил на пальце брелок с ключами и засунул их в карман брюк, когда кабина остановилась на моем этаже. В нос сразу ударил запах чистящих средств – привет от нашей уборщицы, и свежесваренного кофе – привет от Илоны.

А она, судя по всему, была здесь.

– Доброе утро, Тимур Маратович. – Илона неестественно улыбнулась, когда я вошел в приемную, и уткнулась в монитор, делая вид, что чрезвычайно занята.

– Почему не на машине? – Я облокотился на стойку регистрации, отметив, что привычно выглаженная кофточка Илоны сегодня немного помята.

Она открыла рот, чтобы что-то ответить, но тут же его захлопнула и только дернула плечиком, огрызнувшись в своей привычной манере:

– Не ваше дело, – и снова сделала вид, что работает.

– Ну да, – сказал я. – Сегодня есть встречи?

– Да, расписание у вас на столе. – Илона даже не подняла голову, а я заметил, что ее щеки неестественно бледны.

Интересно, почему?

– Кофе.

– Сейчас принесу, – вздохнула она, поднимаясь.

Я проследил за ней взглядом. Странная она сегодня, не иначе как что-то задумала. Пожалуй, следует понюхать свой кофе, перед тем как выпить. А

лучше дать его попробовать кому-нибудь еще.

В кабинете, на первый взгляд, всё было, как обычно. Внимательно осмотрев стол и кожаное кресло, я плюхнулся в него. Потянувшись, нажал на кнопку включения компьютера и удостоил своим вниманием записи, сделанные аккуратным почерком Илоны. Рядом с расписанием в тонких папках лежали досье на клиентов – обязательная процедура. Я, в отличие от Игоря, всегда изучал информацию о заказчиках перед встречей, а не после.

Илона вплыла в помещение и ровным шагом подошла к столу. Поставила чашку и повернулась, чтобы уйти. В этот момент я окликнул ее:

– Послушай...

Илона замерла и застыла как статуя.

– У тебя всё в порядке?

– Да, Тимур Маратович, – ответила она.

– Сегодня приглашай клиентов сюда, а не в конференц-зал.

– Хорошо. Это всё?

– Да, можешь идти.

Она молча вышла и тихо прикрыла за собой дверь. Я проигнорировал это, стараясь не заикливаться на изменениях в поведении девушки, и принялся за работу. День тянулся как обычно, медленно до безобразия. Взяв два заказа, я отдал парням распоряжение и откинулся на спинку кресла, рассеянно разглядывая потолок. Странно, но сегодня Романовой не было в столовой, хотя обычно она всегда обедала с ребятами. Я вообще не видел ее там последние несколько дней, а мне, если честно, нравилось наблюдать за ней в непринужденной обстановке.

Илона рядом со мной всегда строила из себя злобную фурию, но в компании с другими людьми преображалась до неузнаваемости. Ее улыбка становилась

искренней, щеки розовели от мужских комплиментов, а смех всегда звучал так звонко и мелодично, что его можно было слушать без остановки. Именно это меня бесило больше всего – то, что с другими она такая. Из раздумий меня вырвал звонок мобильного. Я забросил ноги на стол и с трудом сдержал смех, когда услышал голос Игоря:

– Тим, привет.

– Привет. – Я посмотрел на свои туфли и пошевелил пальцами ног – Лазарев ненавидел, когда я так делаю. – Как Испания?

– Нормально, похолодало, правда.

– На два градуса? – поддел я, усмехнувшись.

– Иди ты, – буркнул Лазарев. – Как у вас?

– На удивление относительно спокойно.

– Вот как раз об Илоне я и хотел поговорить.

– Только не начинай... – простонал я. – Клянусь, я ее не дергаю. Ради Аллаха, Лазарь! Она недавно мне соль в кофе насыпала, а я даже не попытался ее задушить.

– Тимур, мне плевать на соль в твоём кофе и плевать на причины, из-за которых вы так друг друга ненавидите...

– Я не ненавижу ее, она просто меня бесит, – перебил я, он же не слушал.

– ...Но она едет к нам в декабре. Вы летите вместе.

– Нет! – Я вздрогнул от мысли, что мне придется находиться в самолете рядом с ней несколько часов. – Нет. Хера с два. Прости, брат, но я не полечу.

– Тим, я сделал Оле предложение.

Я заткнулся, огорошенный этим заявлением. В трубке тоже воцарилась тяжелая тишина.

– И она согласилась, – тихо добавил Лазарев. – Мы распишемся здесь, двадцать восьмого декабря.

– Б... – выдохнул я. – Игорь...

– Илона не знает, Оля ей не сказала. Я прошу тебя как лучшего друга на неделю забыть о ваших разногласиях и быть с нами в этот день. У нас, кроме вас двоих, нет никого.

– Ты ее лучше попроси, – пробормотал я.

– Ты старше и мудрее, поэтому я прошу тебя, – фыркнул Игорь.

Возникла пауза. Я закрыл глаза, пытаюсь осознать ужасную мысль о совместном отдыхе с Романовой и женитьбу Лазаря.

– К чему такая спешка? – нарушил я молчание.

– Сладкая хочет выйти замуж до того, как будет виден живот, – вздохнул Игорь, а я почувствовал себя мудаком – забыл, что Оля беременна. – А я не хочу пышного торжества, поэтому мы сошлись на том, что распишемся на Тенерифе, а ближе к родам вернемся в Питер.

– Здесь брак будет считаться действительным?

– Есть небольшие заморочки, но – да, будет. Не говори Илонке. Сладкая хочет сюрприз устроить – шопинг, выбор платья, спа и прочая бабская херь.

– Ладно... – Я снова рассеянно посмотрел в потолок. – Ты испортил мне Новый год. Ты в курсе?

– Я тебе ничего не портил. Правда, пока. – В трубке послышался смешок. – Но если ты испортишь мне свадьбу, поверь, я постараюсь сделать всё, чтобы этот Новый год стал самым отвратительным в твоей жизни.

- Скормишь акулам? – съехидничал я.

- Нет, отдам на растерзание Романовой.

По спине пробежал холодок.

- Лазарь, ты правда женишься?

Он засмеялся:

- Да, брат, женюсь. Твоя очередь подходит.

- Найти бы еще, на ком...

- Найдешь. И знаешь что, Агеев?

- Да?

- Убери на хер ноги с моего стола.

Я опустил ноги на пол, стряхнул взмахом руки невидимую грязь с деревянной поверхности стола. Нет, что-то сегодня не хочу торчать в офисе до вечера, да и встреч больше не намечается. Я проверил почту, ответил на несколько писем. Я даже не стал застегивать пуговицу пиджака, как должно, а просто вышел из кабинета, когда закончил.

- Я домой. Можешь переадресовать звонки на мой мобильный, – хмуро сказал я Илоне. – Идея о совместном полете в Испанию все еще не укладывалась у меня в голове.

А она-то не в курсе... Игорь сказал, что для нее это будет сюрприз.

- Хорошо, – слабо проговорила Романова.

– У тебя точно всё нормально? – Я заметил, что она стала еще бледнее, чем пару часов назад.

– Да, я в порядке.

– Иди домой. Ты бледная какая-то... Нехорошо выглядишь.

Фыркнув, Илона опустила голову. Я посмотрел на ее светлую макушку, пожал плечами и вышел из приемной.

Только в машине до меня дошло, что я сказал. Ну что я за придурок? Сказать женщине: «Ты плохо выглядишь». Отличный комплимент, ничего не попишешь. Не удивлюсь, если завтра в мой кофе добавят слабительное.

Глава 4

Тимур, 2009 год

Я нажал на кнопку дверного звонка. Щелкнул замок.

– Сантехника вызывали?

Илона удивленно захлопала ресницами:

– Э-э-э...

Я вошел в квартиру, отпихнув хозяйку в сторону, и захлопнул за собой дверь.

– Нормально ответить не дано? – прошептал я, снимая обувь.

Молча прошел на кухню, поставил чемоданчик на столешницу, достал прибор проверки помещения на прослушку. Вытащил из чемоданчика блокнот и ручку, быстро написал на бумаге: «Я проверю квартиру. Подыграй».

Илона прочитала записку и кивнула. Я взял в руки эхалот – рабочее название игрушки – и прошелся по кухне, внимательно слушая слабый треск в одном наушнике. Затем вышел в коридор, проверил комнату, ванную и санузел. Все это время звук был равномерным, а Романова ходила за мной следом.

– Чисто, – вынес я вердикт, вернувшись на кухню и плюхнувшись на скрипучий стул. – Ну, здравствуй.

– Здравьете, – промямлила Илона.

– Есть что пожевать?

Она задохнулась от возмущения, а я не сдержал усмешку – смешная такая, когда бесится. Меня мало что способно умилять, поверьте, но эта девка просто нечто.

– А не пошел бы ты на...

– Ладно, ладно, пошутил неудачно. Чай хоть предложи для приличия.

Романова молча подошла к плите, включила конфорку и поставила на нее старый эмалированный чайник. Так же молча она набрала маленькую кастрюлю воды и зажгла соседнюю конфорку. Я с любопытством следил за ней до тех пор, пока она не спросила:

– Макароны по-флотски будешь?

– Тушенка свиная?

– Нет, куриная. – Она озадаченно посмотрела на меня через плечо.

– Тогда буду.

В ее глазах я прочитал закономерный вопрос и ответил:

– Я не ем свинину.

- Почему?

Вот пристала-то, пиявка белобрысая!

- По определенным соображениям.

Искреннее удивление расцвело на ее лице, а я невольно поморщился, пояснив:

- Я мусульманин.

- А-а-а... - протянула она. - Верующий, значит.

- Война научила, - процедил я сквозь зубы.

На этом наш разговор исчерпал себя. Она не стала расспрашивать дальше, а я решил не вдаваться в подробности. Зачем молоденькой девчонке знать, как внутри ёкает перед тем, как шагнуть на проверенную, казалось бы, дорогу? И ты каким-то чудом останавливаешься и видишь тонкий провод, наспех закопанный духами в землю. Война учит многому. Особенно она учит верить интуиции.

Я молчал. Илона тоже молча готовила - идиллия.

- За тобой следят бывшие люди Ратмира, - нарушил я это молчание, спокойно соврав и наблюдая за ее реакцией.

Если Морозову-Светлову ищут и хотят выйти на нее через сестру, то она должна быть замешана. Илона убрала прядь волос за ухо и пожала плечами:

- Но зачем? По официальной версии, Оля умерла. Я перестала ее искать после того, как узнала это.

- Значит, ты не веришь в официальную версию? - постучав пальцем по столу, съехидничал я.

Она обернулась от плиты. Снова заправила непокорную прядь и снова неуверенно пожала плечами.

– Я видела дату на снимках. Они сделаны после ее смерти.

И смотрит голубыми глазищами, пристально так. Словно рентген.

– Дату можно подделать.

– Знаю. Но если ты говоришь правду, то мне лучше не светить этими фотографиями... – Ее взгляд стал рассеянным, а на лице появилась смесь грусти и боли. – Мне придется поверить тебе на слово, так?

Последние слова она произнесла почти шепотом. Я скрестил руки на груди и внимательно посмотрел на нее, ища хоть что-то, что могло меня насторожить. Навести на мысль, что она предательница, лгунья или...

– Это правда, Тимур? – чуть шевельнулись ее губы. – Оля жива? – Подбородок у нее задрожал, а голубые глаза наполнились влагой.

Я кивнул, и Романова резко опустила голову, спрятав лицо в ладонях.

Мне захотелось застонать от этой сопливой сцены, но я сдержался, встал и подошел к ней, молча обхватил за плечи и подтолкнул к стулу, побуждая сесть. Она сделала это, тихо всхлипнув, а потом просто уронила руки на стол и зарыдала.

Я не силен в утешениях, поэтому решил оставить ее в покое. Мелкие макароны-ракушки почти сварились, а тушенка уже растаяла и поджарилась на крошечной сковороде. Я слил воду, чудом не ошпарившись, и закончил готовку за хозяйку квартиры. Нашел тарелки, разложил незатейливое блюдо и поставил на стол:

– Поешь.

Наши дни

Я добрался до дома, успев проскочить пробки – повезло. Телевизор на кухне монотонно рассказывал вечерние новости. Переключая каналы, я наткнулся на «Улицы разбитых фонарей», передернулся и вырубил говорящий ящик. Я

выглянул в окно и решил прогуляться, благо дождя в последние дни не было и улицы даже успели просохнуть.

Обычно я гуляю вечером, перед сном, теша себя надеждой на крепкий и здоровый сон после прогулки на свежем воздухе. И вот вам правда – это ни хрена не работает. Я как просыпался в холодном поту ровно через два часа после того, как засыпал, так и просыпаюсь.

Ветер порывами гонял пожелтевшую листву по аллее сквера, несколько парочек неспешно прогуливались, держась за руки. Женщины с детьми в колясках торопливо нарезали круги. Впереди показалась серая с голубым коляска, до боли знакомая, и я невольно сбился с шага.

Женщина с коляской поравнялась со мной.

– Тимур? – удивилась она. – Вот так встреча. – Она остановилась и улыбнулась мне.

– Привет, Лариса. – Я тоже невольно улыбнулся. – Какими судьбами?

Она было открыла рот, чтобы ответить, но из коляски донеслось недовольное кряхтенье. Лара зашагала по дорожке, кивком приглашая меня следовать за ней, изменяя привычному маршруту.

– Спит только на ходу, – вздохнула она. – Вот, гуляю целыми днями. Скоро смогу в соревнованиях по спортивной ходьбе участвовать, – сдула Лариса прядку, которая постоянно падает ей на лицо – сколько ее знаю.

– А вы разве не на Лиговке живете? – Я осторожно покосился на карапуза в коляске, чтобы не выдать своего интереса.

Никогда не видел таких мелких близко. И если честно, кроме пухлых розовых щечек и длинных ресниц ничего и не разглядел. На куклу похож, сопит так забавно...

– Я переехала к маме, – натянуто ответила Лара. – У Сашки-старшего проблемы с бизнесом, что-то там не клеится.

- Помощь нужна?

- Нет, справляемся пока... - замолчав, Лариса едва слышно добавила: - Вроде как.

- Какого рода проблемы?

- Думаешь, он меня посвящает? - Лариса улыбнулась, а потом вздохнула, взмахнув рукой. - Молчит, как партизан. Сказал только, что финансово не потянем квартиру - мы же снимаем. Сам к другу перебрался, а нас с Сашкой сюда, на Грибоедова. А ты всё там же?

- Да, там же.

- Как Игорь?

- В Испании пока, - пожав плечами, я вспомнил об отчетах, с которыми возится Илона. - Ларка, ты же у нас бухгалтер?

- Вообще-то да.

- Не хочешь подработать? Романовой что-то в последнем отчете не нравится. Возьми на проверку, я заплачу.

- Романова - это новая девочка? - Лариса чуть прищурилась и с любопытством посмотрела на меня, не сбавляя быстрого шага.

- Да. - Я невольно поморщился. - Такая зараза, если честно.

- А я слышала, что ребята в ней души не чают. - Она тихонько рассмеялась и шутливо толкнула меня локтем. - Колись, чем не угодила?

- Да пакостит по мелочам. Не перевариваю ее, но Лазарев сказал не трогать. Она же сестра Ольги, а та его крепко за яй... - Я осекся и поймал очередную улыбку. - Ты поняла.

– А Лазареву только такая и нужна. – Лара вздохнула и смерила меня пристальным взглядом. – Да и тебе тоже, давай уже откровенно.

– Нет, мне покладистую нужно, – фыркнул я.

– Это тебе так кажется.

– Думаешь?

– Знаю, Тимур. – Она похлопала меня по плечу. – Ты же со скуки умрешь, если всё будет, как ты хочешь. И сейчас наверняка от офисной работы волком выть хочешь, тебе всегда на передовой надо быть.

Я промолчал, признавая ее правоту. С этим глупо спорить – когда Игорь был в Питере, я занимался координацией розыскных работ да и частенько сам пускался в погоню, если надо было. И я ненавижу костюмы, которые приходится носить в офисе. Особенно галстуки. Как удавка, честное слово.

– А что не так с отчетами? – Лариса перевела тему.

– Не знаю. Могу съездить, забрать у Илоны и привезти тебе.

– Давай. Я вечером посмотрю и позвоню тебе.

– По рукам. Тогда наберу тебя в течение часа. Номер тот же?

– Естественно.

Махнув рукой, я быстрым шагом пошел обратно – в сторону дома. Ключи от машины лежали в кармане куртки, поэтому не стал подниматься, а быстро запрыгнул в «гелик» и сорвался с места, не удосужившись позвонить Романовой. Решил подождать, если ее не будет дома, благо еще не поздний вечер.

Илона

Звонок разорвал тишину квартиры. Натягивая теплые вязаные носки, я нервно дернулась и тихо пискнула от боли.

– Зашибись... – Я посмотрела на благополучно сломанный ноготь на указательном пальце. – Иду! – крикнула я, поднимаясь с дивана и кутаясь в кофту.

Звонок продолжал противно крякать. Я посмотрела в глазок, чертыхнулась и открыла дверь.

На пороге стоял Агеев собственной персоной.

– Что надо? – проворчала я. Что-то он зачастил. Не к добру это.

– И тебе привет. Можно войти?

– Пожалуйста. – Я пропустила его в прихожую.

– Отчет у тебя?

– Да.

– Дай сюда.

Я удивилась:

– А тебе зачем?

– Романова, дай мне отчет. Сказал надо, значит, надо.

– Ты не сказал, что надо, – отрезала я. – Сейчас.

Тимур разулся и прошел на кухню. На мою кухню, на секундочку. И загремел моим чайником, ставя его на плиту. На моей кухне, повторюсь. Без приглашения.

Я вынесла ему нужную папку и застала его у открытой дверцы холодильника, пристально разглядывающего содержимое.

Я потрясла папкой, но он лишь хмуро осматривал полки, потом тяжело вздохнул и громко хлопнул дверцей. Лицо его не выражало ничего хорошего.

– Где продукты? – с напором спросил он, оглядывая меня с головы до ног.

Под его взглядом стало зябко. Я швырнула папку на стол – она звонко хлопнула, и этот хлопок повис в воздухе. За ним следом воцарилась тишина.

– Илона, почему у тебя, б... пустой холодильник? – Агеев придвинулся ко мне.

Я отпрянула, налетела на дверной косяк, больно ударившись плечом, и взвизгнула:

– В магазин не ходила!

Меня забила мелкая дрожь, словно защищаясь, я обхватила себя руками. И в этот вот, в самый, блин, подходящий, момент мой желудок противно подал предательский голос.

Тимур разглядывал меня, словно нашкодившего щенка. Молча, хмуро и совсем не по-доброму. Я попыталась смотреть ему в глаза, но через несколько секунд не выдержала и отвела взгляд.

Он поднял мое лицо за подбородок.

– Сколько у тебя осталось денег?

– У меня есть деньги... – пролепетала я, как замороженная уставившись ему в лицо – непривычно так близко в деталях рассматривать каждую черточку.

Темные глаза и такие густые черные ресницы. Под стать им брови, одна была словно порвана надвое, но вблизи кожа на шраме выглядела такой нежной и тонкой, что мне захотелось провести по ней пальцем. И губы, его губы... С тонкой сеточкой морщин в уголках, словно когда-то он умел улыбаться, но это

было так давно, в какой-то другой жизни.

- Сколько?

- Чуть меньше сотни... - выдохнула я.

- Сотни рублей?

- Да.

- Дура, - прорычал Тимур. - Почему не сказала? Я бы аванс тебе оформил. Куда все потратила?

Я почувствовала себя маленькой девочкой, которая сдачу от покупки булки и молока потратила на конфеты и теперь отчитывается перед матерью. Я опустила ресницы, чувствуя, как к щекам приливает румянец, и прошептала:

- За ремонт машины всё отдала.

- Точно дура, - констатировал он, отступая на шаг. - Заеду через час.

Подхватив папку со стола, Агеев быстро вышел, а я перевела дыхание. Только когда громко хлопнула входная дверь, я выдохнула и опустилась на стул, глядя на голубые языки пламени под чайником.

И что это было? Проявление заботы? Но с какой стати, учитывая, что мы друг друга на дух не переносим? И почему мое сердце заколотилось в груди как бешеное, когда он сжимал мой подбородок пальцами? Почему шею и щеки зажгло от прикосновения грубой кожи и почему у меня перехватило дыхание, когда он наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание и аромат парфюма - типично мужской, терпкий и чуть резковатый? И какого, простите, хрена я решила, что он меня поцелует?

Господи... Я с силой хлопнула себя по лбу и поморщилась от боли. Бред какой-то. Не хотела ведь, чтобы он меня поцеловал. Чужь собачья - я даже не хочу представлять, что его губы могут коснуться моих. Да от одной подобной мысли мне стоит пойти и почистить зубы. Я и Агеев... Мерзость какая...

Чайник засвистел на плите. Поняв, что повторной встречи с Тимуром всё равно не избежать, я решила достать с верхней полки шкафа сервиз-гжель – подарок родителей на новоселье.

Эта квартира мне досталась в наследство от тетки – та своими детьми не обзавелась, а взять малышку из детского дома, как мама, не смогла – замуж так и не вышла. Я была не просто любимицей в семье Романовых – я была долгожданным ребенком. Хотя меня и удочерили в сознательном возрасте, у нас получилось найти общий язык сразу. «Мамой» и «папой» я стала называть родителей через полгода, хотя никто не настаивал. Виктория Александровна, моя тетя, баловала меня с первого дня, как я появилась в семье. Жаль только, что умерла она, едва мне стукнуло семнадцать. Страшное слово – саркома. Сгорела за три месяца.

Мама очень страдала – они были близки. В каком-то смысле их история повторяла нашу с Олей – родители, мои бабушка с дедушкой, которых я так и не узнала, тоже рано умерли. Мама никогда не говорила, но я думаю, что именно история с моей пропавшей сестрой подтолкнула ее забрать меня из детдома. Я смутно помню то время, но точно помню разговор воспитателей, что они с отцом хотели взять мальчика.

Дотянувшись до коробки, я поставила ее на диван и вынула заварник, блюдца и чашки. Несмотря на бумагу, фарфор немного запылится, но после полоскания под проточной водой и тщательного вытирания посуда заблестела. Ярко-синяя роспись идеально подходила к моей небольшой кухне – серая мебель, голубая плитка на стенах и полу. Накрыв на стол, я заварила чай и налила себе чашку, устроив на широком подоконнике наблюдательный пункт.

Агеев появился через час – как и говорил. Я увидела его машину, а затем и его самого, когда он вышел на улицу и хлопнул дверцей. Словно почувствовав, что я наблюдаю за ним, Тимур поднял голову и посмотрел на мои окна, потом открыл багажник и достал из него два пакета. Он скрылся в подъезде, а я быстро допила свой чай и пошла в прихожую. Приоткрыв дверь, прислонилась к стене, слушая мерный гул поднимающегося лифта. Я вздрогнула, когда кабина остановилась и на площадке послышались тяжелые шаги.

Агеев молча вошел в квартиру, потеснив меня. Держа пакеты, которые на вид были очень тяжелыми, он скинул обувь и пошел на кухню, шурша целлофаном. Я

двинулась за ним следом. Выкладывая покупки на стол, он недовольно хмурился – широкие плечи подрагивали, кожа на его куртке противно скрипела от каждого движения. Закончив свою благотворительную миссию, Агеев сказал:

– Завтра выпишу тебе аванс. Поешь.

– Какая щедрость, – фыркнула я.

Агеев взревел. В буквальном смысле. Кровь отхлынула от моего лица, когда он впечатал меня в стену, поразительно быстро оказавшись передо мной. Одной рукой он сжал мне плечо, как тисками, а другой махнул перед моим лицом, тыча указательным пальцем:

– Ты... Ты... – возмущенно выдохнул он. – Маленькая мерзкая дрянь! Да, я тебя на дух не переносу!..

Он шипел от ярости, а я в ужасе смотрела на него. Точно прибьет... Я никогда не видела его таким злым.

– Да, ты как заноза в моей заднице, и всё, о чем я мечтаю, это избавиться от тебя и больше никогда, б... не видеть, – размахивал он пальцем перед моим лицом. – Но это не означает, что я буду спокойно спать ночью, зная, что ты... – Он запнулся и прикрыл глаза на секунду. – У меня есть совесть.

– Тимур... – опешила я.

– Я терплю тебя только потому, что Игорь попросил, Илона. Но даже несмотря на это, я не могу позволить тебе голодать, – процедил он сквозь зубы. – Потому что ты хоть и сука, но женщина.

Он резко отпустил меня. Я едва устояла на ногах, понимая, что только его рука на плече удерживала меня от падения. Дуновение воздуха – и Агеев оставил меня одну на кухне, среди наваленных на столе продуктов и пакетов. В прихожей что-то громко хлопнуло, и послышались матерные ругательства.

– Тимур! – вскрикнула я, выбегая за ним. – Подожди!

Я успела схватить его запястье. От моего прикосновения Тимур застыл, и я тоже – впервые я позволила себе нечто подобное. Я видела, как от тяжелого дыхания тяжело поднимается и опускается его грудь, Тимура фактически трясло от ярости.

– Тимур, мне жаль. Я не хотела тебя обидеть, – заикаясь, произнесла я.

Тимур посмотрел на меня, сдвинув брови. Я сжимала его руку, чувствуя, как под моей ладонью нагревается кожа.

– Я не сволочь, Романова, – проговорил он, продолжая сверлить меня взглядом.

– Знаю. Прости.

И я поцеловала его. В щеку. Быстро, торопливо и так неожиданно, что мы оба замерли. Я услышала, как воздух покинул его легкие, едва мои губы коснулись короткой щетины, которая появилась у него на лице к вечеру, и поняла, что сама перестала дышать на добрых полминуты.

Мы просто стояли и смотрели друг на друга. Я – широко распахнутыми глазами, на лице у Тимура же было какое-то странное выражение – сочетание смятения и... волнения. Щеки у него медленно порозовели, а затем и покраснели, я с трудом сдержала улыбку. Он стал похож на мальчишку.

А мне захотелось узнать, какой он внутри, вне этой оболочки человека, постоянно держащего всё под контролем. Человека, который выводит меня из себя. Человека, которого я постоянно вывожу из себя. Захотелось узнать, как он разговаривает с матерью, кого он способен полюбить или уже любит, как он засыпает ночью и какой он, когда просыпается по утрам...

– Ешь давай, – прохрипел Агеев, медленно вытянул руку из моей хватки, словно мое прикосновение причиняло ему боль, и закрыл за собой дверь.

– Спасибо, – успела прошептать я перед тем, как громко щелкнул замок.

Глава 5

Тимур, наши дни

Я пил кофе и смотрел в монитор. Затем набрал номер Стаса, прижал трубку плечом к уху и еще раз просмотрел данные на Александра Владимировича Богданова, которые мне прислал мой бывший коллега.

- Алло, - отозвался Стас, сняв трубку.

- Я сейчас кое-что тебе перешлю по электронке, можешь посмотреть?

- Да, конечно.

- Буду через пять минут.

Положив трубку, я допил кофе и поднялся с кресла, поморщившись от тихого скрипа, скрипеть несчастное стало где-то около двух недель назад. Подхватив кружку со стола, я направился к двери, по привычке прислушиваясь: в приемной слышался тихий голосок Илоны, та разговаривала по телефону и делала какие-то пометки в блокноте, когда я вышел из кабинета. Она посмотрела на меня и тут же опустила глаза, хмуро глядя в свои записи, наверняка аккуратные, выведенные каллиграфическим почерком отличницы.

Чтобы дойти до комнаты отдыха, приходится немного попетлять по коридору и, так или иначе, пройти мимо комнаты ребят. Стас и Денис работают отдельно, а вот остальные сотрудники - те, кто на выезде и занимаются розыском, - вчетвером в одном помещении. Едва заслышав звук моих шагов, их голоса стихли, а когда я сам показался, на меня уставились четыре пары глаз.

- Здравствуйте, Тимур Марато... - Хор голосов оглушил, и я поморщился.

- Уже здоровались, - оборвал я и прошел мимо, в надежде, что в кофеварке еще что-то осталось.

Терпеть не могу этот официоз, обращенный ко мне. Все сразу вытягиваются по струнке, глаза делают честные-пречестные. А еще больше бесит, как они обхаживают Романову – комплиментами засыпают, и за талию самые борзые приобнять норвят, и вообще всячески отвлекают ее от работы. Вот и сегодня утром Макс полчаса терся возле стойки, до тех пор, пока я не гаркнул на Илонку, что жду от нее расписание. Да, расписание на следующую неделю она сделала еще во вторник, то бишь, три дня назад. Что с того? Я забыл. Имею право. Что я, не человек, что ли?

Кофе в комнате отдыха не оказалось – сегодня, по всей видимости, не мой день. Поставив кружку, я устало вздохнул и побрел к айтишнику, чтобы обмозговать полученную от Старикова информацию.

– Привет, – прикрыв за собой дверь, я подошел к столу, заваленному каким-то техническим хламом. Стас постоянно что-то придумывает и тестирует прямо на рабочем месте.

Тот коротко кивнул, оторвал взгляд от монитора и нахмурился. Наверняка дошел до того же места, которое заставило меня точно так же непонимающе свести брови.

– Тимур Маратович, это же данные на мужа Ларисы.

– Да, – подтвердил я.

Стас удивленно посмотрел на меня:

– И зачем это нам?

Оглядевшись, я поискал место, куда можно было бы сесть. Суетливо дернувшись, Стас выкатил из-под стола небольшой табурет на колесиках и подтолкнул его ко мне.

– Недавно я встретился с Ларой, – плюхнувшись на сиденье, начал я. – Она сейчас живет с ребенком у родителей, – устало потеряв переносицу, я посмотрел на собеседника и вздохнул. – А вот теперь начинается самое интересное. Лариска сказала, что у него какие-то проблемы в бизнесе.

- Но дела у шиномонтажек идут хорошо, - ответил Стас, опять уставившись в монитор. - Даже отлично, если судить по выписке из налоговой.

- Да. Более того, Андрюха сказал, что у Богданова есть связи в МВД - их крышуют официальные власти. Никаких заявлений о рэжете, вымогательстве и прочей херне. Стабильный, спокойный бизнес, приносящий неплохой доход. Более того, он недавно купил трехкомнатную квартиру в хорошем спальном районе.

- Странно, - протянул Стас.

- Странно, - эхом откликнулся я. - Что думаешь?

Пожав плечами, Стас поправил очки и взъерошил ладонью волосы на макушке. Повернулся на кресле и посмотрел на меня, затем снова покосился на монитор и снова уставился на меня.

- Может, приставить к нему кого-нибудь из наших? И я могу понаблюдать за передвижениями по городу. Это неофициально, естественно, - поспешно добавил он, краснея.

- Понимаю, что неофициально, не дурак. Сделай. Соберем информацию, а там посмотрим.

Я уже направился к выходу, как Стас меня окликнул:

- Тимур!

- Да?

- Вы думаете, это что-то серьезное?

Сделав паузу, я повернулся и пожал плечами:

- Нет. Думаю, это что-то банально-житейское.

– Связанное с...

– Понаблюдай.

Илона

Октябрь быстро сменился ноябрем. Медленно, но верно приближалась дата моего отъезда. Я попросила отпуск у Агеева, и он молча подписал заявление. Это говорило только об одном – он знает о поездке. И, вероятно, он едет со мной.

Вполне возможно, что я расплакалась бы или зашлась истерическим хохотом от этой новости, но по правде я так сильно хочу увидеть Олю, что мне плевать на Тимура во время перелета. А в Испании я просто буду его игнорировать, как обычно. После моего фокуса с поцелуем ничего не изменилось. Тимур по-прежнему в приказной форме требовал свой кофе, по-прежнему грубил и по-прежнему вел себя как последний козел. Пожалуй, это к лучшему, потому что, если бы в его поведении что-нибудь изменилось, я бы не знала, что делать. Наша встреча, когда он притащил мне кучу продуктов, и его слова никак не шли у меня из головы.

«Я не сволочь» – так он сказал. Вполне возможно, но почему его поведение всегда было и остается таким, что единственное желание, которое у меня возникает – это наступить ему шпилькой на ногу или хорошенько треснуть промеж глаз?

Телефон тренькнул, я не глядя нажала на кнопку селекторной связи. Послышался голос шефа:

– Илона, зайди ко мне.

Не удосужившись ответить, отключила связь, поднялась, поправила юбку, которая всегда задиралась от сидения на стуле, подошла к двери его кабинета и постучала для приличия два раза.

– Сказал же – зайди! – рявкнул он в ответ.

Я рывком открыла дверь и гордо продефилировала к столу, стараясь стучать каблуками как можно громче. Вчера как раз набойки поменяла на металлические, даже ковролин не скрывает противный звук.

- Да, Тимур Мара...

- Сядь. - Агеев кивнул на стул и поставил локти на стол.

Я медленно села, вопросительно глядя на начальника. Он бросил на меня короткий взгляд и устало потер лицо ладонями, потом вздохнул и откинулся на спинку своего кресла.

- Нам надо найти кого-то на замену, пока тебя не будет.

Я поерзала на сиденье, но тут же замерла, потому что Тимур самым наглым образом уставился на мою грудь. Он сглотнул и едва заметно тряхнул головой, а затем продолжил:

- Я хочу взять Ларису обратно.

Я захотела возмущенно зашипеть, но получился только хриплый возглас:

- Вы хотите меня уволить?!

- Господи, Романова, да не хочу я тебя увольнять, - вскинулся он. - Но у Лары...

- Лары?

- ...Финансовые трудности, и ей нужна работа. Поэтому я позвал тебя, чтобы решить, как нам лучше поступить.

- Нам?

Тимур заткнулся, покачал головой и пробормотал что-то на татарском, едва слышно.

- Моя твоя не понимать, знаешь, - съязвила я. - Говори по-русски.

- Как же ты меня з... - протянул он, закрыв глаза, и снова глубоко вздохнул. - Романова, я просто хотел спросить твоего совета. Ты можешь хоть на пять минут выключить режим стервы?

- Я не представляю, как в фирме могут работать две секретарши одновременно. - Я пригладила юбку. - Но если я не устраиваю вас как работница...

- Тебя, - перебил он.

- Что?

- «Не устраиваю тебя как работница». А ты устраиваешь... - Он взмахнул рукой. - По большей части.

- По большей части? - Я смерила его гневным взглядом. Или попыталась.

- У тебя скверный характер. - Агеев усмехнулся. - Но в остальном я не могу к тебе придраться. Мы оба это знаем.

Я фыркнула, но промолчала. Отдаленно эта фраза была похожа на комплимент.

- И как ты себе это представляешь?

- Лара по образованию бухгалтер. - Тимур поднялся с кресла и начал мерить шагами кабинет. - Я подумал, что можно отказаться от услуг фирмы и нанять ее...

- И выплачивать ей зарплату на сэкономленные деньги, - закончила я фразу, наблюдая за его передвижениями из одного угла в другой. - Мысль здравая.

- Думаешь? - Агеев остановился и неуверенно посмотрел на меня. - Но Сашка у нее совсем мелкий еще.

– Бухгалтерию можно вести и удаленно. – Я поправила стопку бумаг, лежащую на столе. – В принципе, ей нужно будет появляться в офисе пару раз в месяц. Самые тяжелые месяцы декабрь-январь, когда надо готовить годовой отчет. А так... Это вполне реально.

– Значит, ты не против? – Он снова уселся на свое место и посмотрел на стопку, которую я передвинула.

– Ты начальник. Я всего лишь подчиненная.

Он задумчиво хмыкнул, сцепил пальцы на животе, а затем ухмыльнулся:

– Мы, похоже, впервые разговариваем как нормальные люди, да, хатын кыз?

Я поднялась со стула и отчеканила:

– Это всё?

– Билеты видела? – натянуто спросил он.

– Видела.

– Тебя забрать?

– Сама доберусь. Надеюсь, нас посадят далеко друг от друга.

– Я тоже надеюсь, – ответил Тимур. – Позови Стаса и кофе принеси.

Тихо зарывчав, я вышла из кабинета, хлопнув дверью. Быстро помчалась в комнату отдыха и заправила кофеварку, приготовив кружку для Агеева. Тот пил кофе лошадиными дозами, и на него не было смысла тратить наш фирменный сервиз – всё равно не оценит и через пять минут попросит добавки.

В помещение вошел Стасик – вовремя. Заметив меня, он покраснел и приветливо кивнул.

– Кофе? – спросила я, потянувшись за второй кружкой.

– Ага. Если не сложно, пожалуйста.

– Ты хотя бы «пожалуйста» добавляешь, – отметила я. – Тебя Агеев как раз ищет. Всё в порядке?

– Да, так... Одно дело есть, – промямлил он, потирая шею и краснея еще больше.

– Понятно, – почувствовав, что распространяться Станислав не собирается, я закрыла тему и поставила колбу на нагреватель.

Аппарат тихонько зашипел и начал по капле выдавать бодрящий напиток.

– К нам вроде Ларису возвращают.

– Да? – Мне показалось, что я услышала в его голосе неведомые ранее нотки интереса. – А как же вы вдвоем?

– Агеев хочет ее бухгалтером принять. Только я ничего тебе не говорила.

– Нем как рыба. – Он изобразил закрытый на замок рот и улыбнулся. – Хорошая новость.

Я вскинула бровь, а Стас тут же принялся оправдываться:

– Не в том смысле, Илонка... Просто Лариса... Она такая, ну знаешь...

С каждым словом его лицо приобретало все оттенки красного цвета. Стасик промямлил что-то еще, а я не сдержала улыбку – смешной такой. Щуплый, в очках с металлической оправой, постоянно взъерошенный и слегка сутулый. Типичный программист. Хотя, признаться честно, человек он хороший. Скромный, ответственный, вежливый. Конечно, девушки на таких не обращают внимания, а зря. Внешность ведь не главное, и в порядочности Стаса я не сомневаюсь. Да, не качок, но зато с мозгами. И вовсе не обязательно мужчине быть размером со шкаф...

Перед глазами тут же нарисовался образ Агеева в костюме. Затем образ Агеева в джинсах и футболке, что всегда туго обтягивала фигуру. Я вздохнула, вспоминая, как упруго играют его мышцы или подчеркиваются пиджаком и рубашкой, давая лишь намек. Я даже не знаю, как мне больше нравится. Стоп. Мне вообще не нравится. Он мне не нравится.

Налив Стасу кофе, я отдала ему кружку, и мы вдвоем отправились к шефу. Открыв дверь, Стас пропустил меня вперед, и я подарила ему очаровательную улыбку, которая тут же сползла с моего лица, едва я взглянула на суровое лицо Агеева.

- Пожалуйста, - сказала я, поставив кружку перед ним.

- Свободна, - отчеканил этот придурок.

Я удалилась, прокручивая в голове план мести. Идеи металась между солью (примитивно, но действенно), слабительным (жестоко, но изощренно) и растяжкой в дверях его кабинета (такого я еще не вытворяла). Замечтавшись, я представила, как шеф летит вниз, растеряв по дороге всю свою статью и грацию. Он совершенно точно растянулся бы на полу у моих ног, и я вполне могла бы придавить его каблуком. Где-нибудь в районе шеи. Не сильно, так, слегонца...

Вибрация мобильного прервала мою кровожадную фантазию. Вздрогнув, я потянулась к ящику стола, где лежал мой телефон, и увидела незнакомый номер.

- Илонка? - пробасил мужской голос.

Отдаленно знакомый, но чей, хоть ты тресни, вспомнить я не смогла.

- Да, я. - Я покосилась на дверь кабинета Агеева - тот имел свойство появляться в самый неподходящий момент.

- Не узнала, что ли? - весело продолжал мой собеседник. - Кирилл, мы с тобой гранит науки грызли вместе.

- Боже, Кир, прости. Я тебя не узнала.

- Ничего, богатым буду.

Он весело рассмеялся, а у меня немного отлегло от души – вроде как мы общались в университете, а тут не признала.

- Слушай, у нас тут намечается небольшая встреча одногруппников. Ты в феврале не появилась, вот я и подумал, может быть, сейчас захочешь присоединиться? Вспомним преподав и вообще...

- Сегодня? – уточнила я, снова покосившись на дверь в кабинет шефа.

- Да. Вечером, в баре встречаемся.

- Я работаю до семи...

- Мы в восемь собираемся, но можно и опоздать немного – не страшно. Я могу тебя забрать, поедem вместе.

- Не знаю... Можно. Я на Невском.

- Отлично, диктуй адрес.

Объяснив Кириллу, как проехать к зданию и где можно припарковаться, я спрятала мобильник в ящик. В этот момент дверь кабинета Агеева распахнулась, в приемную вышел Стасик, а за ним и сам Тимур. Они молча вышли в коридор и разошлись в разные стороны – Стас пошел в свою комнату, а Тимур скрылся у парней. Я бросила взгляд на часы и настроилась на работу – осталось каких-то два с половиной часа до конца рабочего дня.

В полседьмого я подхватила косметичку и тихонько направилась в туалет. Оглядев себя критически в зеркале, поняла, что реанимировать синяки под глазами можно, только наложив двойной слой консилера и пудры, а бледность от сидения в помещении без окон можно скрыть, только добавив на щеки румян. Что я и сделала. Завершив преобразование любимой розовой помадой, я распустила волосы и расчесала их. От тугого пучка, в который они были закручены весь день, пряди приобрели некое подобие укладки. Решив оставить пиджак в офисе, я пригладила блузку и расстегнула одну пуговицу – не

вульгарно, но и не так официально.

И конечно, мне обязательно нужно было столкнуться с Тимуром, когда я выходила из туалета.

Он молча уставился на меня. Не сказав ни слова, отошел в сторонку, пропуская меня в узком коридоре. Я прошла мимо, но не сдержалась и обернулась, посмотрев на него. Наши взгляды встретились, и по спине пробежал холодок, когда я заметила незнакомую ранее вспышку в темных зрачках Агеева. Отвернувшись, поборолла странную дрожь – не от страха, а от какого-то другого чувства – приятную и похожую на истому, и вернулась на свое рабочее место, чтобы выключить компьютер и собрать вещи.

Я могла уйти немного раньше и искренне надеялась, что успею скрыться в лифте. Его рука придержала закрывающиеся створки, и Тимур вошел в кабину, продолжая разглядывать меня так, словно впервые видит.

– Ты куда-то собралась? – поинтересовался он, прижавшись плечом к стене кабины.

Воздух стал таким же тяжелым, как и его взгляд. Я натянуто улыбнулась и поправила ремешок сумочки на своем плече.

– Рабочий день закончился, и я не должна отчитываться.

– Рабочий день закончится через пятнадцать минут, – передразнил Агеев с сарказмом.

Я ничего не ответила. Уставилась на двери и про себя начала отсчитывать поразительно медленно проплывающие вниз этажи. Едва лифт остановился, я выскочила в коридор и быстренько направилась к выходу, слыша за спиной тяжелую поступь Тимура.

Крупные снежинки кружили по парковке, и я запахнула полы пальто, чтобы не замерзнуть. Во двор въехала белая иномарка и, мигнув фарами, подъехала к входу. Дверца со стороны водителя открылась, я с трудом узнала Кирилла, он словно стал еще выше, в нем теперь сложно было признать студента, который

вечно просил у меня конспекты после лекций. В свете фонаря его волосы отливали рыжиной, в общем-то, единственное, что не изменилось в его облике.

- Привет. - Он махнул рукой и обошел авто, чтобы открыть мне дверцу.

Я сбежала по ступенькам и, перед тем как сесть в машину, покосилась на своего начальника, застывшего в дверях здания.

- Привет, - улыбнулась я Кириллу, когда он сел за руль. - Поехали быстрее, видишь, мой шеф стоит?

- Это тот, который взглядом отправил мне контрольный в голову? - Кир рассмеялся и сдал назад, чтобы развернуться, а потом остановил машину и повернулся ко мне. - Отлично выглядишь, Илона.

Он взял мою ладонь и коснулся поцелуем костяшек пальцев, от чего я вздрогнула и покраснела - непривычный жест внимания для меня. Не липкий и слюнявый, напротив - короткий и теплый. Даже приятный.

- Спасибо, - поблагодарила я.

Машина тронулась с места, в салоне ненавязчиво заиграло радио «Jazz FM», а лицо Агеева в зеркале заднего вида исказилось.

И будь я проклята, но мне показалось, что исказилось оно от боли.

Глава 6

Илона, наши дни

Звук раскрывающихся дверей лифта заставил меня подняться со стула и вытянуть шею. В коридоре появился молодой парень. Он заметил меня, встрепенулся и шагнул в мою сторону.

– У меня доставка для... – запнувшись, он хмуро припомнил имя. – Для Романовой Илоны. Консьерж внизу сказал, что такая здесь работает.

– Да, это я. – Удивленная, я уставилась на букет в его руках.

– Документик можно? – Посыльный недоверчиво шмыгнул носом и поправил фирменную бейсболку.

– Конечно. – Я открыла сумку, нашла водительское удостоверение и положила его на стойку.

Он вытащил из нагрудного кармана ручку.

– Распишитесь. Это вам.

Букет был тяжелым и воистину огромным. Мелкие светло-розовые розы, штук сто, не меньше. С трудом обхватив эту красоту, я прошептала:

– Их ведь даже поставить некуда.

– Вот вазу не заказывали, – хмыкнул парень. – Всего доброго.

– И вам.

В цветах я заметила карточку. Строчки, набросанные беглым почерком, гласили: «В прошлый раз я подарил тебе розу за украденный поцелуй. Это – аванс за все те, что я украду в будущем. Кирилл».

Я невольно нежно прикоснулась к прохладным лепесткам пальцами.

После встречи нашей группы в караоке-баре Кир отвез меня к офису, где я оставила машину. Позвонил, едва я вошла домой – проверить, добралась ли, – и как-то ненароком мы проговорили до двух ночи. О чем, сама не помню. Кирилл изменился за эти годы. Раньше был замкнутым и немного заикался, теперь вполне уверен в себе, к тому же оказался интересным собеседником. После учебы он работал в турагентстве, сейчас же открыл свое дело – небольшое, но, имея хорошие связи в Европе, – стабильное. Он пригласил меня пообедать на

следующий день, и через день. Потом позвал в кино. А позавчера мы ужинали в ресторане и гуляли по вечернему Питеру. Именно тогда он и поцеловал меня – осторожно сжав щеки прохладными ладонями. А потом, по пути к машине, исчез на пару минут и вернулся с красиво пламенеющей розой. Я не сильна во взаимоотношениях с сильным полом, но его галантность подкупает. Еще ни разу я не открыла дверь сама – он всегда помогает мне сесть в машину или пропускает в помещение первой, помогает снять и надеть пальто и даже провожает до подъезда. Он не торопит меня, просто ухаживает, причем красиво, и я наслаждаюсь. Это чувство называют романтикой.

В комнате отдыха я отыскала большой кувшин, из кружки бы букет попросту вывалился, даже из той, из которой пьет Агеев, а она действительно гигантская. Я решила поставить цветы на своем рабочем месте, чтобы не забыть вечером.

Помяни черта, и он явится – едва я подошла к стойке, как из кабинета вышел Тимур. Увидев меня, он остановился и поинтересовался:

– Это что за веник?

– Это букет, Тимур Маратович. Розы, – пояснила мило я. Почему-то настроение спорить с ним и препираться испарилось, и я стала на удивление любезна.

С улыбкой я опустилась на стул, любясь цветами.

– Убери, им не место на рабочем месте, – приказал шеф.

– Да ты поэт, Агеев, – фыркнула я. – «Им не место на рабочем месте». Они мне ничуть не мешают.

– Убери.

– Что за детский сад?! – Мое терпение лопнуло, как мыльный пузырь. – Что ты прицепился?

– Им здесь не место! – Тимур прилично повысил голос. Он выхватил цветы из импровизированной вазы. С длинных стеблей закапала вода.

В соседних комнатах услышали вопль шефа. Первыми на пороге нарисовались Стас с Денисом.

– Это моя стойка, – зашипела я, пытаюсь выхватить у Тимура цветы, но придурок однозначно оказался сильнее, и я лишь ободрала пару листьев.

– Это приемная! – заорал он, а потом повернулся к парням. – Что уставились? На обед валите!

Команда была исполнена в одну секунду – все словно испарились и через полминуты ввалились в прибывший на этаж лифт. Так же быстро закрылись двери кабины, и мы остались одни.

– Агеев, ты бешеный?

Я попыталась успокоиться и дышать ровно. Тимур повернулся ко мне, сжимая охапку роз так сильно, что я услышала треск сломанных стеблей.

– Чем тебе не угодили эти цветы? Дай сюда.

– Нет, – отрезал он.

– Тимур...

– Нет. Поставлю их в комнату отдыха.

Решительно подхватив кувшин с водой, он удалился, а я от удивления раскрыла рот и развела руками.

Я посмотрела на опустевшую стойку с каплями воды. Грудь от обиды сдавило так сильно, что в глазах защипало – невольные и непрошенные слезы появились как всегда нежданно-негаданно. Что за херня? Почему я не могу поставить здесь букет? С каких пор это запрещается? На Восьмое марта Агеев не возмутился, хотя цветов мне надарили прилично. Не так много, как хотелось, но все же. И у Ларисы раньше стоял горшок с фиалкой, я хорошо помню, когда приходила устраиваться, как она поливала цветок из небольшой белой лейки. Лейка эта до сих пор где-то валяется в шкафу.

Не владея собой, я ринулась за Агеевым в комнату отдыха.

– Да что с тобой не так?! – крикнула я, толкнув его изо всех сил в спину. – Ты совсем озверел в последние две недели! То дверью прихлопнуть норовишь, то толкнешь у лифта, а теперь тебя не устраивают мои розы?!

Тимур покачнулся и выронил кувшин. Вода пролилась ему на ботинки, розы рассыпались по мокрому ковровину.

– Ты меня толкнула? – прошептал он и повернулся ко мне.

От выражения его лица я задрожала. Он двинулся на меня, я взвизгнула и попыталась выскочить в коридор. Он перехватил меня и припечатал к ближайшей стенке, с силой сдавив талию.

– Ты... меня... толкнула? – грозно пророкотал он. – Ты... подняла на меня руку? Серьезно?

– Сам виноват, незачем выводить меня из себя, – проблеяла я.

Он сжал мне горло. Легонько, но дышать я перестала, то ли от страха, то ли Агеев действительно перекрыл мне доступ кислорода.

– Я мог бы... – наклонившись ко мне, он почти коснулся моих губ своими губами. – Свернуть тебе шею и выбросить в окошко.

Сердце у меня заколотилось, как мечущийся бройлер на птицефабрике. Это угроза? Мне, мягко говоря, стало не по себе.

– Я мог бы связать тебя и издеваться над тобой неделями. Заклеить твой поганый рот скотчем, чтобы ни единого звука не сорвалось с этих... – запнувшись, он остановил взгляд на моих губах. – Ты знаешь, я мог бы сделать много нехороших вещей.

Закрыв глаза, я приготовилась к худшему – он ведь, правда, может. Я уверена, что ему не впервой убивать, и он вполне может обставить всё так, словно я

неудачно упала или вообще покончила с собой. Или он подложит взрывчатку мне в машину – в Чечне ему и не такое приходилось проделывать. Боже, я, кажется, разбудила зверя, и этот зверь совсем не похож на хомячка...

– Я бы очень хотел этого, Илона, – неожиданно он сменил тон.

Мне показалось, что в нем проскользнули... ласковые нотки.

– Чего? – прохрипела я, мечтая, чтобы стена меня засосала и выплюнула с другой стороны – может быть, тогда у меня будет шанс убежать.

– Сделать нехорошие вещи. С ними... – прошептал Тимур, очерчивая контур моих губ большим пальцем.

Дыхание Тимура было рваным, и я чувствовала каждый толчок воздуха, вылетающий из его груди. Теплый и мягкий, совсем не похожий на жесткую хватку на моей талии и совсем не похожий на удавку, которая сжимала мне горло несколько секунд назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kilina_diana/du-ra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)